

15th Slavic Cognitive Linguistics Conference

12–14 October 2017

Institute for Linguistic Studies, St. Petersburg

BOOK OF ABSTRACTS

Abstracts accepted for presentation at the 15th Slavic Cognitive Linguistics Conference

- Ekaterina Barancheeva.** Метафорические модели описания памяти в русском языке: опыт дискурсивного анализа
- Martina Björklund.** Russian ‘fear’ in causative constructions using *iz*, *ot*, and *s + Gen*
- Steven Clancy, Veronika Egorova, Oksana Willis, Daniel Green.** Russian Modules: A cognitive and construction-based approach to teaching Russian
- Steven Clancy, Sara Kališnik Verovšek, Quang Nhat Le, Joseph Borkowski, Nicholas Tomlin.** Visualizing Patterns in Language: Topological Data Analysis of Very Large Corpora
- Jovan Čudomirović.** From temporal sequence to disagreement: semantics/pragmatics of Serbian *pa* ‘and then’ from a multi-domain perspective
- Ewa Dabrowska, Dagmar Divjak.** L2 learners’ productivity with Polish dative inflections
- Stephen Dickey.** A Dynamic Systems Approach to Biaspectual Verbs in Russian
- Polina Eismont.** The magic labyrinth of words: verbs of speech in child language
- Olga Fedorova, Andrej Kibrik.** Язык как он есть: непрерывность бимодальной коммуникации
- Maksim Fedotov.** Imperfectivum pro posteriore in Russian and beyond
- Ronald Feldstein.** On Binary Oppositions and Distributions in the Russian Stress System
- Roman Fisun.** Принцип смежности в семантических картах славянских составных неопределенных местоимений
- Mirjam Fried.** Erosion of the main clause in insubordination patterns
- Iwona Góralczyk.** Parent – child dialogic dynamic syntactic sing – song in Polish and subjecthood
- Olga Goritskaya.** Русская речь белорусов в зеркале метаязыковых дискуссий: языковые факты и культурные модели
- Alina Israeli.** Transitive verbs of motion with the prefix OT-2: pragmatic constraints.
- Laura A. Janda, Olga Lyashevskaya, Ekaterina Rakhilina, Francis M. Tyers.** А мы возьми и начни его строить: The Russian Constructicon
- Laura A. Janda, Francis M. Tyers.** Does Russian have paradigms?
- Nataliya Karageorgos (Gavrilova).** How to Escape from Personality: Mechanisms of Depersonalization in Arkadii Dragomoshchenko’s Poetry
- Victoria Kazakovskaya.** Noun word formation in Russian child speech (case study)
- Nataliya Kislitsyna.** Linguistic Connotation as a Tool of Cognitive Analysis of Lexicon (in Russian and English Languages)
- Jurij Knjazev.** Компаративные конструкции со словом *менее* в русском языке
- Irina Kor Chahine, Ekaterina Uetova.** Verba sonandi звуков животных в славянских языках: метафоризация и автоматическая обработка данных
- Elena Kulinich.** Russian verb paradigm: pattern in yod /j/.
- Galina Kustova.** Типы и свойства метатекстовых конструкций
- Joanna Łozińska.** Vertical motion in three satellite-framed languages. A cognitive linguistic study of Polish, Russian and English
- Hans Robert Mehlig.** Non-naturally atomic count nouns and degree predicates in Slavic
- Liljana Mitkovska, Eleni Bužarovska.** From negative purpose to apprehensive: Gradience in *da ne*-clauses
- Olga Mitrofanova, Ekaterina Enikeeva, Polina Panicheva.** Studying Semantic Structure of Russian Collocations by Distributional Word Representations
- Svetlana Nedelcheva, Ljiljana Saric.** Prefix variation in Bulgarian and Croatian. The case of *do-*
- Tore Nessel.** Compounds in Contrast

- Yulia Nikolaeva.** Прагматические жесты в рассказе (исследование на материале русского языка)
- Maria Nordrum.** From Specialized to Natural? Russian aspectual pair relations in a diachronic perspective
- Jelena Parizoska.** The influence of constructional schemas on the lexical and syntactic flexibility of verbal idioms in Croatian
- Vera Podlesskaya, Maria Egorova.** How grammar and prosody contribute to shaping constructions: the case of Russian *tip* 'type'
- Bastien Poreau.** Изучение выражения и варьирования модальности долженствования: анализ модального предиката *придётся/приходится*
- Ekaterina Rakhilina, Mladen Uhlik.** Переход в непереходные: синтаксические стратегии выражения боли в словенском языке
- Katrin Schlund.** A cognitively based typology of Russian impersonal constructions
- Alexei Shmelev, Valentina Apresjan.** Русские частицы *мол* и *якобы* в рассказе о невербальном поведении
- Dmitri Sitchinava.** Russian *bylo* and its Slavic cognates as topic/focus markers
- Svetlana Sokolova.** Turning Molehills into Mountains Or The Polysemy of the Verbal Suffix *-nu-* in Non-standard Russian
- Eun-Ji Song.** Aspectual Choice of Verbs of Asking and Ordering
- Mateusz-Milan Stanojević, Anita Peti-Stantić.** Concreteness, subjective frequency and the thing/relation distinction in Croatian
- Natalia Stoynova.** Coordination patterns in the contact influenced Far East Russian speech
- Elżbieta Tabakowska.** Synthetic and analytic constructions in contemporary Polish: variation, but is it free?
- Elena Vilinbakhova.** A stereotype theory analysis of repetitions in Russian
- Ruprecht von Waldenfels, Tilman Berger.** Forgetting the border: the semantic change of *do* 'to, towards' in West Slavic
- Magdalena Zíková.** What do speakers of Czech actually do by using the demonstrative *ten*?
- Татьяна Воронина.** Интерпретационный смысл 'возможность' в семантике прилагательных (*возможный, вероятный, осуществимый* и под.)
- Александр Гурьев.** Когнитивные аспекты отношения переформулирования в свете теории прагма-синтаксиса
- Елена Падучева.** Риторический вопрос и его родственники
- Валерий Соловьев, Тимур Галеев.** Когнитивные механизмы конкуренции вариативных форм: суффиксы *-а/-я-* и *-ыва/-ива-* во вторичных имперфективах в русском языке
- Валерий Соловьев, Владимир Бочкарев, Лора Янда.** Аспектуальная система в русском языке: семантический вклад приставок и суффиксов
- Ирина Яковлева.** Семантические переходы в зоне глаголов речи в русском языке: некоторые семантические и грамматические ограничения на метафоризацию.
семантические и грамматические ограничения на метафоризацию.

**Метафорические модели описания памяти в русском языке:
опыт дискурсивного анализа**

Данная работа посвящена изучению семантики метафорических моделей, описывающих механизмы человеческой памяти: в работе будут рассматриваться семантические ограничения, накладываемые на элементы таких моделей (например, X может жить в памяти, сидеть, стоять в памяти, гореть и угаснуть в памяти, вставать в памяти, мелькнуть в памяти, всплывать, утонуть в памяти, X-а может размыться в памяти, можно стереть, вытащить, извлечь X из памяти и т. д). Интересующий нас вопрос заключается в том, насколько «закреплена» или непроницаема для лексических расширений метафорическая модель, какие синтаксические конструкции могут использоваться для описания «мнемической ситуации» [Исхакова 2009], какие корпусные данные свидетельствуют о стабильности/изменчивости метафорических описаний.

Анализируя представление о памяти и о механизмах памяти, целесообразно описать языковое воплощение ситуации, в центре которой находятся мнемические процессы, субъект и информационный актанта (та информация, которая утрачивается или восстанавливается). В работе будут рассмотрены метафорические представления о памяти на основе дискурсивных данных, представление о её структуре, а также о том, как мы извлекаем воспринятые образы из памяти. Представляется, что интерпретационный потенциал исследуемых метафорических моделей, с одной стороны, имеет возможности расширения, а с другой стороны, ограничен семантическими и грамматическими свойствами компонентов, относящимися к сфере-источнику в образовании метафор.

Материал исследования позволяет дополнить описание семантики лексемы память, входящей в метафорические высказывания, характеризующие процессы памяти. Лексикографические источники определяют память как «воображаемое устройство, представляемый орган,местилище», которое «может функционировать независимо от воли субъекта» [Урысон 2003: 38]. Лексема *память* входит в класс слов, обозначающих невидимые органы человека, которые «аналогичны обычным, материальным «вещам» внутри человеческого тела» [НОСС 2003: 302]. Отметим, что дискурсивный анализ лексемы *память* не всегда обнаруживает реализацию значений, описанных в лексикографических работах (в [Апресян, Жолковский 1984], [НОСС 2003], [Урысон 2003] и др.). Анализ контекстов (отобранных из НКРЯ), описывающих фиксацию, хранение, воспроизведение образов в памяти, позволит уточнить представление о памяти как о «местилище», «хранилище, контейнере» образов различного рода, «внутреннем экране», «водном пространстве», «организованном/неорганизованном пространстве», «темном/освещенном пространстве». Ситуация, когда субъект припоминает события, может быть описана метафорическими моделями с глаголами существования, локализации, движения, изменения положения, со звуковыми глаголами. Причем данные анализа не подтверждают наличие однозначных соответствий между типом информационного актанта и семантикой глагола, который описывает хранение образа в памяти. Языковое воплощение мнемических ситуаций в определенной метафорической модели может варьироваться в зависимости от интерпретации субъекта (активный/пассивный), от статуса различных участников ситуации, от представления ситуации как контролируемой/неконтролируемой.

Метафорическое представление памяти может моделировать языковую экспликацию всей мнемической ситуации, определять то, как отображен в языке сложный процесс восприятия, обработки, хранения и воспроизведения информации.

Литература

- Апресян Ю. Д., Жолковский А.К., Мельчук И.А. Словарная статья «Память» // Жолковский А.К., Мельчук И.А. Толково-комбинаторный словарь русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. – Wien, 1984.
- Исхакова Р. Ф., Хомякова Е. Г. Память и восприятие: некоторые аспекты языковой репрезентации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. – 2009а. – Вып. 1. Ч. I. – Стр. 84 – 89.
- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка (НОСС) / под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. – М.: Языки славянской культуры, 2003.
- Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике. – М., 2003.

Russian ‘fear’ in causative constructions using *iz*, *ot*, and *s* + Gen

The Russian prepositions of departure *iz* (‘out of’), *ot* (‘(away) from’), and *s* (‘off of’) can all be used in causative constructions denoting ‘inner cause’ (Cf. Iordanskaâ & Mel’čuk 1996). However, while the construction *ot*+Gen is considered open, the constructions *iz*+Gen and *s*+Gen feature only restricted groups of nouns (Zolotova 1988, Iordanskaâ & Mel’čuk 1996). Particularities in the restrictions and usage of these constructions are usually attributed to specific properties of the prepositions (Iordanskaâ & Mel’čuk 1996, Boguslavskaya & Levontina 2004). Thus, according to Iordanskaâ & Mel’čuk (1996), the nouns used in the construction *iz*+Gen should denote inner states that could cause controlled actions; with the construction *ot*+Gen of nouns denoting reactive emotions (thus ‘inner causes’), only physical responses and impulsive actions could be caused; and, finally, the construction *s*+Gen allows only undesirable emotional states that could cause mental events and actions, but not physical responses. Boguslavskaya and Boguslavsky (2015:40), for their part, maintain that the co-occurrence of nouns denoting emotions and inner states with prepositions is very selective, and “even semantically similar nouns co-occur with different prepositions”, mentioning nouns that denote ‘fear’.

To study actual contemporary usage of the three constructions, I undertook searches in a sub-corpus of the main corpus of the Russian National Corpus (time span 2000–2017) using the strings *iz*, *ot*, and *s/so* + Gen of nouns with the semantic differentiation “psychological states including: emotions”. After cleansing the search results from irrelevant hits, all different nouns occurring in the constructions were listed (N 113 for *ot*+Gen, 37 for *iz*+Gen, and 16 for *s/so*+Gen). In the present paper, I will concentrate on the utilization of nouns denoting ‘fear’. Six different nouns occurred in the lists: *boâzn’*, *žut’*, *ispug*, *perepug*, *strah*, and *užas*. Only *strah* co-occurred with all three prepositions, while *užas* and *žut’* co-occurred only with *ot* and *perepug* only with *s*. With only a few exceptions *boâzn’* co-occurred with *iz*, whereas *ispug* co-occurred both with *ot* and *s*. When it comes to the caused actions, reactions, and states, the principles described by Iordanskaâ & Mel’čuk (1996) hold for most of the instances, but language users also produce contradictory examples, e.g. *ruki drožat s perepugu*, which goes against the principle of not allowing physical reactions with the construction *c*+Gen. In my paper, I further discuss the interrelationships between the meanings of the three constructions and the nouns denoting ‘fear’.

References

- Boguslavskaya, O., Boguslavski, I. 2015. Emotion and inner state adverbials in Russian. Proceedings of the Third International Conference on Dependency Linguistics, Depling 2015, August 24–26, Uppsala University, Department of Linguistics and Philology, 38–47.
- Богуславская О.Ю., Левонтина И.Б. 2004. Смыслы ‘причина’ и ‘цель’ в естественном языке. Вопросы языкознания, 2004(2), 68–88.
- Золотова Г.А. 1988. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского языка. Москва: Наука.
- Иорданская Л.Н., Мельчук И.А. 1996. К семантике русских причинных предлогов (ИЗ-ЗА любви ~ ОТ любви ~ ИЗ любви ~ *С любви ~ По любви). Московский лингвистический журнал, Т 2, 162–211.

Steven Clancy, Veronika Egorova, Oksana Willis, Daniel Green

Russian Modules: A cognitive and construction-based approach to teaching Russian

Exciting new opportunities in technology for teaching and learning and changes in approaches to language pedagogy and second language acquisition along with the resurgence of Russia on the world stage make this an opportune moment to think of a fundamental change in the way we approach the teaching of Russian and other Slavic languages. Russian Modules: Foundations will provide revitalized and updated teaching materials for intermediate Russian with robust opportunities for active use of the language in classroom and homework activities, while not neglecting a thorough treatment of grammar, so necessary for effective language acquisition and true progress at the intermediate level.

The Russian language as a complex, but largely rule-governed linguistic system, presents an overwhelming variety of grammatical forms playing out along multiple semantic dimensions and presenting a seemingly insurmountable task for the language learner. Using JavaScript and the D3 library, we are developing a data visualization incorporating more than 150 data fields for each Russian word, including grammatical, morphological, and semantic information along with word and form frequencies. This larger database is, in turn, made available to students and teachers in the form of pedagogical groupings based on textbook chapters, previously covered material, and even ad hoc collections of lexemes. The database can be interacted with through a browser and touch-screens, bringing to life the aspects of compression and expansion that ripple through the entire project.

The overall approach of the book is informed by research in cognitive linguistics and construction grammar, much of which has been conducted by members of the SCLA. Our presentation will provide an overview of the new book due out in Summer 2018.

Visualizing Patterns in Language: Topological Data Analysis of Very Large Corpora

The largely atheoretical approach developed within natural language processing (NLP) in the past few decades would seem to bear out Goldberg's (2006) claim that linguistic structure is "constructions all the way down". These approaches have allowed the empirical data in increasingly large corpora to speak for itself, resulting in highly successful unsupervised learning of orthographic systems, phonemes, morphemes, and words from raw language corpora. If construction grammar frameworks are correct, then understanding even complex syntactic and semantic features, such as the case system of a language, should be a matter of building on constructions identified at other levels of language. Earlier computational approaches to syntax and semantics defaulted to a formalist framework for lack of a better model, a decision that may be responsible for subsequent delays in progress, but more recent research in NLP has succeeded exclusively by looking at words and their neighbors within very large unlabeled corpora. Recent work using word2vec (Mikolov et al 2013) and GloVe (Pennington et al 2014) have yielded impressive results through the representation of words as relatively low-dimensional vectors that successfully capture a sense of semantic similarity as well as specific relationships such as male-female counterpart nouns, singular-plural, positive-comparative-superlative degrees, and word paradigms. Our study leverages a variety of tools to crack open the meaning in the Slavic languages, where a high level of morphological complexity complicates the work of previous NLP studies that have largely been conducted on English.

We combine the use of Goldsmith's *Linguistica* (2001) and other methods to break the corpus into stems and inflectional morphology. We then vectorize the words in the corpus for topological data analysis (Carlsson 2009) using a tool called Mapper, which uses a collection of vectors X and a reference function $f: X \rightarrow \mathbb{R}$ (the set of real numbers) to produce a graph. The ability to tailor the map f to the specific data at hand allows Mapper to be used as a method for exploratory data analysis. Mapper has already had marked success in identifying novel subtypes of breast cancer (Nicolau et al 2011) and in defining the characteristics of NBA basketball players via performance statistics (Lum et al 2013). This study marks the first time Mapper has been used to study linguistic data.

References

- Carlsson, Gunnar. 2009. Topology and data. *Bulletin of the American Mathematical Society*, Vol. 46, No. 2, pp. 255-308.
- Goldberg, Adele. 2006. *Constructions at Work: The Nature of Generalization in Language*. Oxford University Press, Oxford, UK.
- Goldsmith, John. 2001. Unsupervised learning of the morphology of a natural language. *Computational Linguistics* 27:153-198. [The *Linguistica* Project — <http://linguistica.uchicago.edu>]
- Lum, P.Y., G. Singh, A. Lehman, T. Ishkanov, M. Vejdemo-Johansson, M. Alagappan, J. Carlsson & G. Carlsson. 2013. Extracting insights from the shape of complex data using topology. *Scientific Reports* 3, Article number: 1236.
- Mikolov, Tomas, Kai Chen, Greg Corrado, and Jeffrey Dean. 2013. Efficient Estimation of Word Representations in Vector Space. In *Proceedings of Workshop at ICLR, 2013*.
- Nicolau, Monica, Arnold J. Levine, and Gunnar Carlsson. 2011. Topology Based Data Analysis Identifies a Subgroup of Breast Cancers with a Unique Mutational Profile and Excellent Survival. *PNAS* 108.17: 7265–7270.
- Pennington, Jeffrey, Richard Socher, and Christopher D. Manning. 2014. GloVe: Global Vectors for Word Representation. <http://nlp.stanford.edu/projects/glove/>

**From temporal sequence to disagreement:
semantics/pragmatics of Serbian *pa* ‘and then’ from a multi-domain perspective**

The aim of this research is to provide a unified analysis of the different uses of the Serbian coordinating conjunction / discourse particle *pa* ‘and then’. It primarily marks sequentiality (1), but it has other functions as well:

- (1) *Petar je uzeo olovku, pa je potpisao ugovor.*
‘Peter took the pencil and (then) signed the contract.’
- (2) *Košulja je upravo pala u vodu, pa je mokra.*
‘The shirt has just fallen into the water, so it’s wet.’
- (3) *Ana je ceo dan provela u krevetu, pa mora da je bolesna.*
‘Ana spent the whole day in bed, so she must be sick.’
- (4) *I ja žurim, kao i ti, pa ipak mirno čekam u redu.*
‘I’m in hurry, as you are, and nevertheless I’m calmly waiting in the line.’
- (5) *Budite naši saveznici, pa ćemo vam dati deo plena.*
‘Be our allies, and we’ll give you a part of the booty.’
- (6) – *Zašto si otvorio prozor? – Pa ti si mi rekao da to uradim!*
‘– Why have you opened the window? – But you told me to do so!’

Grammars and other literature on Serbian conjunctions usually mention only usages (1)–(3) as examples of copulative *pa*, without differentiating causal relations (2) from inferential ones (3), while (4) is treated as an adversative relation, and patterns (5) and (6) are not mentioned (cf. Stevanović, 1969; Mrazović, 2009, among others).

Relying on Sweetser’s (1990) three-domain model, we show that this variety of meanings/functions can be accounted for as combinations of two different kinds of extension: (i) from sequentiality to causality/conditionality, and (ii) from content domain to epistemic domain and speech-act domain. This allows us to relate all different usages to the basic case of *pa* marking sequentiality (1), so that (2) is explained as a conceptualization of cause as temporal sequence, (3) includes extension from content domain to epistemic domain, and (5) and (6) are examples of *pa* marking causality/conditionality in the domain of speech-acts, with (5) being a so-called conditional imperative (cf. Dancygier & Sweetser, 2005). We also show that (4) does not have to be treated as an adversative relation, since *pa* in such cases implies continuity/concordance, not a contrast between two states of affairs. Finally, we show that, to account for some cases of *pa*-coordination on a constituent level, the existence of a separate, discourse domain, may be considered, which resembles some suggestions already conveyed in regard to Sweetser’s model (cf. Lang, 2000).

References

- Dancygier, B. & Sweetser, E. (2005). *Mental spaces in grammar: conditional constructions*. New York: CUP.
- Lang, E. (2000). Adversative Connectors on Distinct Levels of Discourse: A re-examination of Eve Sweetser's three-level approach. In E. Couper-Kuhlen & B. Kortmann (Eds.), *Cause,*

Condition, Concession, Contrast – Cognitive and Discourse Perspectives (pp. 235–256).
Berlin: Mouton De Gruyter.

Mrazović, P. (2009). Gramatika srpskohrvatskog jezika za strance. Novi Sad: Izdavačka knjižarnica
Zorana Stojanovića.

Sweetser, E. (1990). From etymology to pragmatics: metaphorical and cultural aspects of semantic
structure. Cambridge: CUP.

Stevanović, M. (1969). Savremeni srpskohrvatski jezik II. Beograd: Naučna knjiga.

L2 learners' productivity with Polish dative inflections

In this paper, we discuss the nature of native speakers' and adult L2 learners' morphological knowledge by comparing their performance on a nonce word inflection task. The particular subsystem that we will examine is the dative inflection in Polish, which provides an interesting test case for morphological theories. The Polish dative inflection is quite regular: masculine nouns (with a few lexical exceptions) take *-owi*, feminine nouns take *-e* or *-i/-y* (with the choice of ending being phonologically conditioned), and neuter nouns take *-u*. The rule is thus relatively straightforward, but do L1 users discover it and can L2 learners reliably apply it?

Earlier work by Dąbrowska (2008) has shown that even adult native speakers are not fully productive with dative inflections: the mean proportion of target responses for nonce nouns used in dative contexts was 74%, with individual scores ranging from 29% to 100%. Native speakers performed better on masculine and feminine nouns than on neuters, which can be explained by appealing to type frequency (the masculine and feminine classes are considerably larger than the neuter class). Furthermore, they showed robust familiarity effects (performance was better on familiar nouns than on nonce nouns) and neighbourhood density effects (they performed better on nouns from high density neighbourhoods, i.e., nouns which are phonologically and/or morphologically similar to many existing nouns, than on nouns from low density neighbourhoods). Dąbrowska (2008) argued that these results suggest that native speakers rely to a considerable extent on stored forms and low-level schemas.

In the current study, we compare the performance of native speakers from Dąbrowska's study with that of L2 learners of Polish. The learners were students at a British university who had just over a year of instruction in Polish as a foreign language. Our results show that L2 learners performed remarkably well, considering the amount of exposure they had had. The mean proportion of target responses was 70% (SD = 9, range 54-83). Thus, all the L2 learners performed within the native speaker range, and as a group, they performed slightly better than the less educated natives, who averaged 59%. However, their pattern of responses was quite different. In contrast to native speakers, there were no differences between the noun genders, and familiarity and neighbourhood density effects were negligible. Furthermore, the L2 learners showed a strikingly different pattern of errors.

We argue that the differences between groups are partly due to linguistic experience (the proportions of masculine, feminine and neuter nouns in the L2 learners' input are quite different to those found in either spoken or written Polish) and partly to the different ways in which the two groups acquired the dative inflection. Native speakers build the rules "from the ground up": they begin with specific instances and gradually weave them into a schematic network; and some may never acquire a fully abstract rule. L2 learners, on the other hand, are explicitly taught a fully abstract rule which they gradually automatize; as a result, they rely on abstract generalizations from the beginning.

A Dynamic Systems Approach to Biaspectual Verbs in Russian

In Russian there are a very small number of stably biaspectual native Slavic verbs (e.g., *использовать* ‘use’), and a number of stably biaspectual loan verbs (e.g., *дисквалифицировать* ‘disqualify’). Many eventually develop prefixed perfective correlates (e.g., *игнорировать* vs. *проигнорировать* ‘ignore’). According to Androsjuk’s (2015) study of 437 loan verbs at present, 320 (50%) are predominantly perfective, 132 (30%) are predominantly imperfective, and 85 (20%) are basically aspectually split. However, many cases that she counts as predominantly perfective are attested overwhelmingly and loaned into Russian in the form of past passive participles (e.g., *моторизованный* ‘motorized’), and it is unclear whether such verbs represent loan verbs that are categorized as perfective on the basis of the actional default of the profiled situations as such.

Piperski (ms), a recent study that categorizes the “aspectual predilection” of biaspectual verbs based on attestations of perfective and imperfective gerunds (e.g., *форсировав* ‘having forced’ and *форсируя* ‘forcing’ respectively) over time, concludes that biaspectuals are slowly becoming imperfective.

In view of this overall tendency, I argue for a reinterpretation of biaspectual verbs in terms of Dynamic systems theory (cf. Ehala 1996). The arguments are as follows.

(1) While biaspectual verbs have existed continuously as a class in Russian, the individual verbs themselves most often undergo aspectual changes (most often acquiring an imperfective value); therefore, the category is unstable. The reason for the instability is that unprefixated verbs with perfective value are deviations from the current system, in which prefixes have been grammaticalized as markers of the perfective aspect. These derivations are eliminated in favor of stability by prefixation.

(2) The strong impulse to perfectivize all imperfective verbs in Russian, including loan verbs that according to Androsjuk (2015) are predominantly perfective (e.g., *цивилизовать* > *зацивилизовать* ‘civilize’) can be seen as the impulse to classify synoptically construed situations in terms of their outcome (cf. Janda et al. 2013, [author]), which has perfectivization as a by-product. Classification by prefixation can be viewed as an attractor, a “stationary state towards which a system (or a subsystem within a system) tends to evolve” (Ehala 1996: 7).

It is noteworthy that Piperski (ms) finds that the verbs he investigated underwent a shift, from higher numbers of attestations of perfective gerunds to higher numbers of attestations of imperfective gerunds, around the mid-19th century. Together with other aspectual changes that I have investigated in 19th-century Russian (e.g., [author]), this development is circumstantial evidence for a bifurcation at that time, whereby a new aspectual system became stable, and the category of biaspectual verbs became unstable.

References

- Андросюк, Наталья В. 2015. Биаспектив и контекст. Глагольный вид: грамматическое значение и контекст, под ред. Розанны Бенаккьо. Мюнхен: 21–34.
- Ehala, Martin. 1996. Self-Organization and Language Change. *Diachronica* 13(1): 1–28.
- Janda, Laura A., et al. 2013. Why Russian Aspectual Prefixes Aren’t Empty: Prefixes as Verb Classifiers. Bloomington, IN: Slavica.
- Piperski, Alexander. Unpublished manuscript. Between imperfective and perfective: quantitative approaches to the study of Russian biaspectual verbs. Available at: https://www.academia.edu/21426579/Between_imperfective_and_perfective_quantitative_approaches_to_the_study_of_Russian_biaspectual_verbs

The magic labyrinth of words: verbs of speech in child language¹

The presentation discusses the development of the syntactic and semantic structure of Russian verbs in child language and focuses on the use of verbs of speech. The study is based on the results of a series of experiments with Russian native children at the age of 2;7 to 7;6, who had to retell a story, presented to them as a game (for the youngest group at the age of 2;7 to 3;6), as a series of pictures (for 3;7-4;6 year old children) or as a mutual cartoon (for 4;6-7;6 year old children). The total number of 213 children has been studied. The results show that despite children start using verbs of speech quite early, their early language is poor both in lexical units and in different syntactic structures. The analysis shows that the acquisition of different syntactic structures gradually develops depending on the increasing number of the acquired verbs of a particular semantic group and the acquisition of different syntactic structures of other semantic groups.

Thus, the overt THEME OF SPEECH and ADDRESSEE arguments appear only after the children start using such verbs as *sprashivat'* and *otvetit'* – the verbs that include clear information about the roles of two communicants. The data indicate that Russian verbs of speech semantically differ into two groups – directional and non-directional, and even verbs that are considered to a perfective / imperfective pair, such as *govorit'* and *skazat'*, in their core meaning ('to say') may have distinctions in their arguments. Although both *govorit'* and *skazat'* have a valence for THEME OF SPEECH, it tends to be realized differently: *govorit'* favors indefinite pronoun (*chto-to*) and *skazat'* prefers to express a specific meaning by means of a direct speech or a noun. The figures proved this correlation to be statistically significant. Children acquire this distinction gradually and the time of the acquisition correlates with the time of the acquisition of directional and non-directional verbs of motion.

---

¹ This research has been supported by Russian Fund for the Humanities, grant No 16-04-50114.

Язык как он есть: непрерывность бимодальной коммуникации¹

Мультимодальная (точнее, бимодальная) коммуникация – совокупность слов, просодии, жестикуляции, поз, движений глаз – первичная и фундаментальная составляющая языковой деятельности (Кибрик 2010). В современных исследованиях коммуникации различаются вокальная (слуховая) и кинетическая (зрительная) модальности. В свою очередь, вокальная модальность состоит из вербальной (слова) и просодической (интонация, тембр, темп, громкость и под.) составляющих. Кинетическая модальность включает как динамический компонент – различного рода движения и жесты: мимические жесты, жесты головы, рук и тела, так и статический: выражение лица, позы, проксемику. Несмотря на то, что в реальной коммуникации важны все составляющие, большинство современных исследований посвящены описанию взаимодействия вербальной составляющей и мануальных жестов (Kendon 2004, McNeill 2005). В нашем текущем проекте, осуществляемом в ИЯЗ РАН (сайт multidiscourse.ru), существенное место отводится также просодической (Кибрик и Подлеская ред. 2009) и глазодвигательной (Федорова и др. 2016) составляющим. Цель данного проекта двоякая: во-первых, создается уникальный ресурс; во-вторых, на основе этого ресурса реализуется научная программа изучения реальной бимодальной коммуникации.

Собранный корпус «Рассказы и разговоры о грушах» включает 24 записи (суммарной длительностью 9 часов), в каждой записи участвовало по четыре человека. Сначала Рассказчик и Комментатор смотрели «Фильм о грушах» (Chafe ed. 1980), затем к ним присоединился Пересказчик. Рассказчик рассказывал Пересказчику сюжет фильма в режиме монолога. Затем в ходе интерактивного этапа Комментатор дополнял рассказ, а Пересказчик задавал вопросы. После этого в ходе этапа перехода появлялся Слушатель, которому Пересказчик пересказывал фильм опять в режиме монолога. Наконец, Слушатель письменно фиксировал вторичный пересказ.

Важной особенностью корпуса было использование высокоточного оборудования: шестиканального аудиорекодера, камеры общего плана (50 к/с), трех промышленных видеокамер, записывающих каждого участника с частотой 100 к/с, а также двух пар очков-айтрекеров фирмы Tobii. Вокальная составляющая корпуса была аннотирована в программе Praat, кинетическая – в программе ELAN.

Одна из важных технических процедур, превратившаяся в ходе работы в самостоятельную научную задачу – деление записей на 4 отдельных этапа: Рассказ, Разговор, Переход, Пересказ. Этой конкретной задаче и посвящен настоящий доклад. Оказалось, что бимодальная коммуникация устроена таким образом, что часто не удается провести границы между этапами по границам, выделяемым для каждой из рассматриваемых составляющих. Если вербальная, просодическая и мануальная составляющие взаимодействуют согласованно, то жесты головы, мимика и движения зора регулярно эту согласованность нарушают. Так, в ходе вокально-мануальной паузы, характерной для смены этапа, коммуниканты регулярно «передают ход» собеседнику особым поворотом головы, сопровождая это мимической активностью, в первую очередь улыбкой, а их взор часто запаздывает, задерживаясь на предыдущем собеседнике. Таким образом, мы наглядно демонстрируем, что коммуникация между собеседниками не прекращается ни на секунду, динамично переходя от одной составляющей к другой.

---

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ №14-18-03819 «Язык как он есть: русский мультимодальный дискурс».

Литература

- Chafe W. (ed.). 1980. The pear stories: Cognitive, cultural, and linguistic aspects of narrative production. Norwood.
- Kendon A. 2004. Gesture. Visible action as utterance. Cambridge.
- McNeill D. 2005. Gesture and thought. Chicago.
- Кибрик А.А. 2010. Мультиmodalная лингвистика // Ю.И. Александров, В.Д. Соловьев (ред.) Когнитивные исследования, IV. М., 134–152.
- Кибрик А.А., Подлеская В.И. (ред.). 2009. Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса. М.
- Федорова О.В., Кибрик А.А., Языков С.А. 2016. Перспективы использования очков-айтрекеров в когнитивных исследованиях мультиmodalности // В.А. Барабанщиков (ред.) Айтрекинг в психологической науке и практике. М., 79–86.

Imperfectivum pro posteriore in Russian and beyond

I will discuss the phenomenon of *imperfectivum pro posteriore* and its peculiarities in Russian (using corpus data) and in a broader context.

1. As is well known, in Russian it is possible to use present tense forms to refer to future situations — the so-called “*præsens pro futuro*”.

It is normally limited to contexts of scheduling, or planning [Dahl 1985: 110; Comrie 1985: 47; Плунгян 2011: 350; Barentsen 1984]:

- (1) *Я завтра уезжаю в Москву*
'I'm **leaving**[IPFV.PRS] for Moscow tomorrow'.

What is interesting, but usually overlooked¹, is that **imperfective** verbs can be used in a similar way in past tense forms, yielding a future-in-the-past interpretation (this possibility seems to be limited to narrative):

- (2) *На следующий день Иван уезжал в Москву, поэтому он начал собирать вещи.*
'The next day Ivan **was leaving**[IPFV.PST] for Moscow, so he began packing up his things'.
(3) *День выдался жаркий, обратный поезд уходил ближе к вечеру, и я, покончив с делами, отправился побродить по дворцовому парку.* [Леонид Юзефович. Князь ветра (2001)]

2. To such “planning” examples should, to my view, also be added the “chess” (“sport”) examples discussed by Yu. D. Apresyan [Апресян 2012: 49–50] (and analyzed by Apresyan as presenting a special feature of the corresponding verbs):

- (4) a. Белые **выигрывали** / **брали** верх при ходе Фе3;
b. При ходе Фе3 преимущество белых **сохранялось**;
c. В случае рокировки игра **уравнивалась**.

Cf. a similar use with the present tense:

- (5) *Наконец Митя делает ход. — Куда пошёл? Через три хода коня **теряешь**.*
[Barentsen 1984: 32]

3. Such future-in-the-past uses of imperfective can, in fact, be found in at least some other languages that have *præsens pro futuro*, too. Cf. English (Past Continuous) and French (Imparfait):

- (6) *Because I was leaving the next day, we said our goodbyes at the hotel.* [Robert D. Quinn. My Best Trip]
(7) *...Je **partais le lendemain**, dès l'aube. Tout était prêt...*
'...I **was leaving**[IPF] the next day, at dawn. Everything was ready...' [letter by André Gide]

We can hypothesize thus that instead of a special feature of present tense we are always dealing with a more general ability of imperfective forms to refer to a posterior event — “*imperfectivum pro posteriore*”.

---

¹ Cf., however, a mentioning in [Зельдович 2012: 144].

4. Another feature of such uses (both in present and past) is that they can be shown to have in fact a prospective- or intentional-like meaning (referring to present preconditions) — rather than that of true future/posteriority (referring to the future situation itself):

(8a) Ты всё ещё / по-прежнему уезжаешь (/ *уедешь) завтра в Москву?

(8b) *Are we still going to the movies tomorrow?*

(8c) *On va toujours au cinéma demain?*

Cf. English *be to* + INF: *Over 3 million people **are still to be** repatriated.*

Such combination is impossible with true future forms (8a).

References

Barentsen A. A. *Notes on “Praesens pro Futuro” in Modern Russian* // Signs of friendship: To honour A. G. F. van Holk, slavist, linguist, semiotician. Amsterdam. Pp. 29–54.

Comrie B. *Tense*. Cambridge, 1985.

Dahl Ö. *Tense and Aspect Systems*. Oxford, 1985.

Апресян Ю. Д. *Грамматика глагола в активном словаре (АС) русского языка* // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. М., 2012. С. 42–59.

Зельдович Г. М. *Прагматика грамматики*. М., 2012.

Плунгян В. А. *Введение в грамматическую семантику*. М., 2011.

On Binary Oppositions and Distributions in the Russian Stress System

I. Classification of Russian stress has not been done economically. Basic types can be reduced to three within any given subparadigm (singular/plural; non-past/ past; attributive/predicative).

Classifications (e.g. Zaliznjak, 1967; Fedjanina, 1982; Red'kin, 1971) catalog all types within a given part-of-speech, regardless of morphophonemic patterns that co occur with the stress. The difference between the proposed system and others is that this system uses morphophonemics (phonological shape of desinences or stems) to predict the stress of the final output.

The proposed system consists of two main stages:

1. Establishment of the minimal types of stress oppositions within any given subparadigm. Assumption of three regular stress types of opposition in a given subparadigm: one (type A) with constant stem stress in the full paradigm and two others (types B and C), where stress depends on morphophonemic factors.

2. Statement of the morphophonemic rules which predict the precise value of the basic types (B and C) in any given subparadigm.

II. The primary binary split of type A stress vs. types B and C, followed by the secondary binary split of B vs. C, can be depicted as follows:

Binary split 1. All stress splits into Type A (lexical) vs. B/C (morphophonemically predictable).

Binary split 2. Types B/C split into pre-desinential/desinential and initial/desinential types.

Morphophonemic rules for noun stress involve desinential sonority.

III. Binary split of type B:

Non-zero genitive predicts desinential stress in subparadigm:

колбаса́, колбасы́, колбасой; стол-Ø', стола́, столо́м; столы́, столов, столами́; веретено́, веретена́, веретено́м; село́, села́, село́м

Zero genitive predicts pre-desinential stress in subparadigm:

колба́сы, колба́с, колба́сами; веретёна, веретён, веретёнами; сёла, сёл, сёлами

IV. Type C is more complex, due to the parameter of mobility, plus the split between two subtypes, both in the mobile and immobile types. However, rather than recognize four or more stress paradigms, this system recognizes only one (type C), with morphophonemic predictability, based on desinential sonority.

Split 1: Mobile vs. immobile

Mobile predicted by high-vowel direct case (nom/acc) or locative:

на берегу́~бе́рега, бе́регом; на оси́~о́си, о́сью; го́лову~голова́, головы́; лебеди́~лебедей, лебедя́х.

Immobile predicted by no such direct or locative with high-vowel.

Split 2: Immobile desinential vs. initial stress.

Desinential predicted by low-vowel nominative (-a):

Plural зерка́ла, зерка́лами; колоко́ла, колоко́лами.

Initial predicted by non-low nominative:

Singular зе́ркало, зерка́лом; ко́локол, ко́локолом.

V. Verbs differ from nouns since stem-structure, not desinential structure, determines the shape of types B and C. A verbalizing suffix causes neutralization of B and C into the B pattern. Mobility is predicted by stems ending in sonorants or lacking root vowel. Adjectival stress patterns like nominal, but is less complex.

References

- Fedjanina, N. A. (1982) Ударение в современном русском языке. Moscow: Russkij jazyk.
- Feldstein, Ronald F. (1980) "On the Definition of Russian Stress Paradigms". *General Linguistics* 20:3: 123-139.
- Kuryłowicz, Jerzy (Kurilovič, Ju. R.) (1946/1962). "Система русского ударения". Очерки по лингвистике. Сборник статей. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoј literatury, 436-45.
- Red'kin, V. A. (1971) Акцентология современного русского литературного языка. Moscow: Prosveshchenie.
- Zaliznjak, Andrej A. (1967) Русское именное словоизменение. Moscow: Nauka.

Принцип смежности в семантических картах славянских составных неопределенных местоимений

В славянских языках существует особая группа местоимений – составные неопределенные местоимения (СНМ). Речь идет о единицах типа русск. *неведомо кто*, укр. *казна-хто*, бел. *немаведама дзе*; польск. *co by nie było*, чешск. *zřídka kdo*, словацк. *hocikto*; верхнелужицк. *maló hdy*; словенск. *redko kaj* и о многих других. Они имеют бинарную структуру и образуются путем присоединения к местоименному к-корню модификатора, который может соответствовать омонимичному полнозначительному слову (русск. *неведомо*, верхнелужицк. *maló*), их комбинации (польск. *by nie było*) или не иметь такого соответствия в современном литературном языке (укр. *казна-*).

От традиционных местоименных серий данные единицы отличаются семантически, морфологически и синтаксически: так, помимо уникальной по отношению к «традиционным» неопределенным сериям семантики, СНМ способны выражать и неместоименные, прежде всего, оценочные значения; у таких местоимений фиксируется необычная морфологическая структура; большинство составных серий лицензируется особыми синтаксическими контекстами, например, контекстами снятой утвердительности (Падучева 2015). Семантика СНМ до сих пор остается слабо изученной. Так, описание их значения без его отождествления с таковым у той или иной «традиционной» серии можно найти в (Faßke 1981) для верхнелужицкого языка или для отдельных русских серий в (Haspelmath 1997).

В последней работе предлагается способ описания значения неопределенных местоимений с помощью метода семантического картирования. Семантическое пространство неопределенных местоимений разделяется Хаспельматом на девять зон, которые в языках мира могут иметь разные планы выражения: референтная определенная, референтная слабоопределенная зоны, нереферентный ирреалис, вопрос, кондиционал, косвенное отрицание, прямое отрицание, компаратив, свободный выбор. Функции имеют строгое взаимное пространственное расположение. Их конфигурация, как и само семантическое пространство неопределенных местоимений, были выяснены автором на основании анализа 140 языков.

Важным принципом метода семантического картирования является требование смежности (*adjacency requirement*) (Татевосов 2002: 36). Этот принцип запрещает существование «разорванных» карт, то есть существование таких языковых единиц, которые обслуживают несмежные области семантического пространства. Все «традиционные» серии болгарских, польских, русских, а также сербских/хорватских неопределенных местоимений, рассмотренные Хаспельматом, соответствуют данному ограничению. Для группы СНМ нарушение этого принципа, однако, не является невозможным. Так, в русском языке нами были обнаружены прерывающиеся семантические карты у серий на *надо*, *нужно*, *подобает*, *не пойми*, *Бог весть*, *абы*, *ни попадя*. Ситуация не является невозможной и для других славянских языков: серия на *аби* в украинском языке, серия на *trzeba* в польском. Если для русских и украинских серий на *абы/аби*, которые имеют неочевидную историю (Бевзенко 1960: 178), возможным является действие ослабленного принципа смежности (van der Auwera & Plungian 1998: 113), то для иных серий такое объяснение оказывается невозможным.

В докладе будет продемонстрирована организация семантического пространства этих и других славянских составных местоименных серий, имеющих прерывающиеся семантические карты, а также оценен метод семантического картирования для описания СНМ в славянских языках.

Литература

- Бевзенко С. П. Исторична морфологія української мови: Нариси із словозміни та словотвору. Ужгород, 1960.
- Падучева Е. В. Снятая утвердительность и неверидиктальность (на примере русских местоимений отрицательной полярности) // *Russian Linguistics*. 2015. Vol. 39. № 2. P. 129-162.
- Татевосов, С. Г. Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. Москва, 2002.
- Faßke, H. *Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart: Morphologie*. Bautzen, 1981.
- Haspelmath, M. *Indefinite pronouns (Oxford Studies in Typology and Linguistic Theory)*. Oxford, 1997.
- van der Auwera, J. & V.A. Plungian. Modality's semantic map. *Linguistic typology*. 1998. 2(1). P. 79-124.

Erosion of the main clause in insubordination patterns

The natural state of language is its permanent variability, which – over time – may gradually lead toward observable changes: forming new patterns and new categories. The process of forming a new linguistic device is also the main concern of this talk, which is framed by the general task of uncovering the ways in which language users may recruit existing resources in order to create new linguistic patterns with new functions.

This general issue will be illustrated on a particular case taken from conversational Czech and largely left untouched in Czech reference grammars or in relevant research: the usage of the word *jestli* ‘if/whether’ not in its etymologically motivated function as a syntactic complementizer (as in *Nikdo neví, jestli to Martin udělá* ‘Nobody knows if Martin will do it’) but in its pragmatic, non-propositional function of expressing a subjective guess about something being likely (1) or unlikely (2):

- (1) *Esi vona nečekala na telefon.*
‘[I don’t know for sure but I think] she may’ve been waiting for a phone call.’
- (2) *Jesi vůbec tam maj nějaký dřevo na topení.*
‘[I don’t know for sure but I think] they many not have any wood to burn’.

The expressions (1-2) exemplify a typologically wide-spread and well-attested phenomenon known as insubordination (Evans 2007, 2009; Evans & Watanabi 2016), whereby an erstwhile subordinate clause introduced by a dedicated subordinating complementizer, such as *jestli* ‘whether’ in (1-2), retains its form but loses its main clause and develops new conventional meanings.

It has been shown elsewhere that the insubordination is not just an issue of a single element changing its category (complementizer > discourse connector). What has not been explored yet is the erosion and subsequent loss of the main clause. In this talk, I will concentrate on the cluster of questions concerning this part of the development, which calls also for a comparison with lexically restricted collocations in the matrix-clause function (*čert ví* ‘the devil knows’, *bůh ví* ‘God knows’). The loss can be placed on a continuum full clause > discourse particle > 0, and I will show that there are several issues to consider in this development: the relative order of the clauses; the semantic bleaching and pragmatically low informativeness of the main clause; the relative prominence of the main vs. subordinate clause, indicated prosodically; and the interaction between the entire pattern and negation in the *jestli*-clause.

It is especially the correlations with verbal negation, whether full or attenuated, that (i) reveals the path towards the fixed polarity of (1) vs. (2) and (ii) provides evidence that the new pattern is the result of a complex interplay between several semantic and pragmatic factors, rather than a simple case of ellipsis. And it also confirms that this subset of *jestli*-insubordination in conversational Czech can be related to the typology proposed by Evans in two of the three general patterns: expressing a broad spectrum of modal meanings (here, subjective epistemic assessment, as in exs. 1-2) and signaling presupposed material (negation and disagreement in ex. 2).

Parent – child dialogic dynamic syntactic sing – song in Polish and subjecthood

This analysis is an attempt to trace cases of structural coupling in child-oriented Polish, as observed in the corpus of a Polish-speaking child, Basia, archived in Child Language Data Exchange System (CHILDES). Specifically, nearly a hundred structures have been considered in the child-oriented speech of Basia's parents, in which the parent imitates, or repeats, the utterance of the child in the successive turn in a dialogic exchange, as in the following, simplified version of a sequence of such utterances:

Ch: *Gdzie jest mój klucz?* 'Where is my key?'

P: *Ja nie wiem, gdzie twój klucz, bo ja się twoim kluczem nie bawiłam.* 'I don't know where your key is because I have not played with your key'.

Ch: *Gdzie mój klucz? Czym będę się bawiła?* 'Where is my key? I don't know what I will play with.'

P: *Jak nie położyłaś klucza na miejsce to klucza nie ma i nie będziesz się bawiła.* 'If you have not put the key back, the key is not there and you will not play with it'.

Ch: *Lalusia ruszała.* 'Dolly has taken it'.

P: *To idź, lalusi się zapytaj gdzie klucz.* 'Then go ask Dolly where the key is'.

Viewed through the prism of Dialogic Syntax, particularly as developed by Du Bois (2014), such exchanges are not merely mimetic patterns of no real significance in language behavior. Instead, in the framework of Dialogic Syntax they are considered as the structure of engagement "between and through the signs", with far reaching consequences for both sentence syntax and the local meaning. In Du Bois' own words, structural coupling, such as above, produces parallelisms and resonance, which align dialogically juxtaposed utterances and forge structural and functional links between their corresponding elements.

The specific interest of the present analysis is threefold. First, the focus is placed on the activation of structural affinities across utterances. Second, their impact on the grammar of the parent speech in virtually one specific area will be examined: the selection of overt subject where a null one would be perfectly acceptable. Our starting point is the following hypothesis: if Polish is a pro-drop language whose rich agreement morphology allows for the use of null referential and non-referential subjects as an unmarked strategy in communication, then child-oriented Polish is no different, irrespective of structural coupling or not. In other words, the syntactic and pragmatic factors that govern subject drop will not be affected by any co-ordination of utterances across successive turns between parent and child.

Our third interest relates to what we consider a very daring claim that Dialogic Syntax seems to make in the writings of Du Bois: that if speakers engage in dialogic syntax often enough this fact may have an influence on the emergent grammars, which, as self-organizing adaptive systems, may respond by strengthening the structures that support the engagement. Even if Du Bois probably means a generalization: ontogeny recapitulates phylogeny, we shall attempt to trace any influence on the grammar of an adult in the area of subjecthood of the dialogic structures in which the child-oriented utterances resonate and parallel the child's utterances. By tying "dialogic overt/null subjects" and "non-dialogic overt/null subjects" to time span we can measure if the "dialogic" grammar gets more entrenched and more productive in the speech of the parent outside dialogic structures.

Русская речь белорусов в зеркале метаязыковых дискуссий: языковые факты и культурные модели

1. Постановка задач

В Республике Беларусь два государственных языка: русский и белорусский, при этом в коммуникативной практике представлен континуум языковых кодов: стандартный русский язык, русский язык с некоторыми структурными (фонетическими, лексическими, грамматическими) особенностями, смешанная русско-белорусская речь (т.н. трасянка), белорусский язык (с несколькими стандартами).

Данная работа посвящена изучению того, как носители языка воспринимают особенности русской речи в Беларуси. Эта проблематика ранее лишь фрагментарно освещалась в научных публикациях на материале отдельных политических выступлений и публицистики (Woolhiser 2014). Материалом для анализа в настоящем докладе послужили метаязыковые дискуссии в интернете (на форумах, в блогах, социальных сетях, комментариях к материалам СМИ) об особенностях русской речи белорусов и формировании белорусского варианта русского языка.

2. Языковые факты

В проанализированных метаязыковых дискуссиях отмечаются единицы всех уровней языка, а также особенности коммуникативного поведения белорусов. Некоторые факты обсуждаются многократно, однако многие единицы, зафиксированные в научных публикациях, не осознаются «наивными» говорящими как специфические или остаются за кадром по другим причинам.

На то, какие элементы языка становятся объектом дискуссий, влияют различные факторы: тип единицы (фонетическая, лексическая, грамматическая), частотность, сфера употребления, отношение говорящих и др. Так, многие фонетические и грамматические единицы не считаются фактами русского языка и относятся к стигматизированной смешанной речи.

Как правило, в «светлое поле» сознания попадают лексические единицы, и именно с ними связывается самобытность белорусского варианта русского языка. Наиболее часто упоминаемые в дискуссиях лексемы – это название Беларусь (vs. традиционный для России вариант Белоруссия) и шуфлядка (vs. выдвижной ящик).

3. Культурные модели

В метаязыковых дискуссиях представлено сложное переплетение различных взглядов на язык, однако это многообразие можно упорядочить. Д. Герартс (2003) ввел в оборот когнитивной социолингвистики противопоставление двух базовых культурных моделей языковой стандартизации – рационалистической (rationalist) и романтической (romantic). Для современных би- или полилингвальных обществ характерно взаимодействие данных моделей. Продемонстрируем это на примере языковой ситуации в Республике, отраженной в метаязыковых дискуссиях.

Противники выделения особого белорусского варианта русского языка строят свои суждения на базе классической рационалистической модели (за единый литературный язык и против вариативности). При аргументации они, как правило, апеллируют к существующим кодифицированным нормам русского языка, а русскую речь белорусов, которая отличается от стандарта, приравнивают к «трасянке». В целом стигматизация смешанной речи является

одним из факторов, сдерживающих обособление белорусского национального варианта русского языка.

Представления людей, выступающих за развитие «белорусского русского», также главным образом базируются на рационалистической культурной модели. Главная причина, по которой субъект выступает за необходимость развития белорусского варианта русского языка, – независимость государства и официальный статус русского языка в нем. Предполагается, что стандартизация языка должна осуществляться в пределах государства. При этом «белорусский русский» не связывается с этнокультурной идентичностью белорусов, поскольку эту «романтическую» нишу в коммуникативном пространстве по сей день занимает белорусский язык (так, в частности, многие русскоязычные жители Беларуси, не говорившие в детстве по-белорусски, называют белорусский своим родным языком).

Литература

- Geeraerts, D. Cultural models on linguistic standardization // *Cognitive models in language and thought: ideology, metaphors and meanings* / ed. by R. Dirven, R. Frank, M. Pütz. Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 2003. P. 25–68.
- Woolhiser, K. The Russian language in Belarus: language use, speaker identities and metalinguistic discourse // *The Russian language outside the nation: speakers and identities* / ed. by L. Ryazanova-Clarke. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2014. P. 81–116.

Transitive verbs of motion with the prefix OT-2: pragmatic constraints

Israeli (2002) discusses two prefixes OT: OT-1 ‘move away’ (*отойти*) and OT-2 ‘deliver to a destination’ (*отнести*) for transitive verbs. Anna Zalizniak (2017) also lists two prefixes OT: OT-1 ‘move away’ and OT-2 ‘give up acting’ (*отъездить*). The meaning of ‘delivery to destination’ is absent from her discussion. Yet, this is the prefix and its pragmatic limitations that are going to be the central point in the proposed study.

Israeli (2002) discusses OT-2 in opposition to ПРИ (*отнести* vs. *принести*), using the parameter of viewpoint: the viewpoint of the SOURCE vs. that of the GOAL or destination (*Отнеси ей корзину яблок* vs. *Принеси ей корзину яблок*). Viewpoint is different from focus, as exemplified by *Она пошла в магазин* (focus on Figure) vs. *Она ушла в магазин* (focus on Figure’s absence at the Source).

At the same time, it is known that statements of the type #*На прошлой неделе я поехал в Москву* are ill-formed due to knowledge and deixis factors (deixis: if I am still in Moscow at the moment of speech then *приехал*; knowledge: if I am no longer in Moscow then *ездил*).

Now *Я отвез(ла) ее к врачу* is correct and contexts can easily be found, for example in answer to the question *Где она?* On the other hand, Mahota’s (1996: 82) example [?] *Она отвезла меня к врачу*, where the subject and the object are switched, seems to be questionable and a context is not easily found (**Где я? ?Что она сделала?* The latter is possibly correct if “I was unconscious”).

I propose to investigate the constraints on animate objects and conditions that block the coreference of the speaker and the object as well as types of destination that remove the constraints.

One parameter that lifts the constraints (whatever they are) is one-upmanship, which we must assume is a subtext in Mahota’s sentence compared with the sentence *Она подвезла меня к врачу*. Another parameter is whether she stayed with me at the doctor’s or not, which has to be explicitly stated. The infelicitous ПО-statement mentioned above may be improved by extending the utterance: *На прошлой неделе я поехал в Москву и сдал рукопись в издательство*. This utterance is no longer just about the movement. Similarly, if we extend Mahota’s statement we may be able to make it correct: *Она отвезла меня к врачу, а сама поехала за покупками*.

These and other constraints will be examined and explained, while OT-verbs will be compared with ПО-, ПОД-, and ПРИ- transitive verbs of motion.

References

- Israeli, Alina (2002). “Russian verbs of motion: focus, deixis, and viewpoint.” *Temps et aspect: de la grammaire au lexique*. Cahier Chronos 10. Amsterdam-New York: Rodopi. 97-118.
- Mahota, William J. (1996) *Russian Motion Verbs for Intermediate Students*. New Haven & London: Yale University Press.
- Zalizniak, Anna A. (2017) “Russian prefixed verbs of motion revisited.” *Zeitschrift für Slawistik* 62(1): 1-22.

А мы возьми и начни его строить: The Russian Constructicon

Construction Grammar (Fillmore et al. 1988, Goldberg 1995 & 2006, Croft 2001) makes two fundamental claims: 1) the construction (a form-meaning pairing, at any level of complexity), is the relevant unit of linguistic analysis, and 2) a language is an aggregate network of constructions, also known as a “constructicon”. These claims have not yet been fully realized in terms of linguistic analysis; attempts to describe the entire constructicon of specific languages have only recently been launched.

The Russian Constructicon is part of a multinational project to build constructicons (the other languages are: English, Brazilian Portuguese, German, Japanese, and Swedish). Constructicons share a parallel architecture in order to promote typological comparison, and work on the Russian Constructicon (an open-source, free and public electronic resource) is actively ongoing, with hundreds of constructions already cataloged.

The Russian Constructicon currently prioritizes multi-word constructions that: a) have at least one “slot” that can be filled with a range of words depending on semantic restrictions, b) have meanings that are not necessarily compositional, and c) are not adequately represented in dictionaries. For example, a dictionary will not predict constructions of the type: a) *X tak i ne Vpast* [X.nom thus and not V.pst] ‘But X didn’t V after all’, as in *On tak i ne ženilsja* [He.nom thus and not marry.pst.masc.sg] ‘But he didn’t get married after all’; or b) *voz’mi i Vimper* [Take and ...!] ‘X went and...’, as in *A on voz’mi i kupi novuju mašinu!*, [He.nom take.imper and buy.imper new car.fem.sg.acc] ‘And he went and bought a new car!’.

In the Russian Constructicon, each construction is supplied with a name, a definition, a structure (in terms of dependency grammar), at least three corpus examples, and a Common European Framework of Reference for Languages (CEFR) level to guide learners and instructors. The contents of the Russian Constructicon can serve learners of the language, linguists researching language-internal and typological phenomena, and can source language technology applications such as spell checkers and automated readability assessment tools.

The Russian Constructicon project has emerged organically from a milieu with sustained focus on relevant theoretical and practical aims, including: construction grammar, lexical semantics, quantitative analysis of language data, and development of pedagogical materials for learners of Russian, as well as language technology resources for users of Russian. While each of these ideas and undertakings approach Russian from a unique perspective, they all converge on a single challenge, namely the lack of an extensive inventory of Russian constructions. We will present the Russian Constructicon and discuss some of the theoretical and practical challenges and opportunities it provides.

References

- Croft, W. (2001). *Radical construction grammar*. Oxford University Press.
- Fillmore, C., Kay, P., & O’Connor, C. 1988. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of *let alone*. *Language* 64, 501–38.
- Goldberg, A. (1995). *Constructions: A construction grammar approach to argument structure*. Chicago University Press.
- Goldberg, A. (2006). *Constructions at work: The nature of generalizations in language*. Oxford University Press.

Does Russian have paradigms?

Zipf's (1949) law, which describes the skewed frequency distribution of words in a corpus, operates also on word forms. As a result, as the number of paradigm forms increases, the number of words that will ever be attested in all paradigm forms in a corpus quickly becomes vanishingly small (Malouf 2016). For example, for Russian nouns we have calculated that only 0.06% of unique noun lemmas in the SynTagRus corpus appear in all 12 case forms. This figure is in line with the calculated percentage of nouns attested in all their forms in other languages; for example, in Czech, with 14 paradigm cells, the percentage of nouns attested in all forms drops to 0.02%, and for Estonian with 28 forms, there are no nouns attested in all forms.

We focus on the fact that different words are attracted to different paradigm forms, and show that this is partially influenced by declension class and the meanings of the words. We do this by examining the “grammatical profiles” (frequency distributions of paradigm forms, Janda & Lyashevskaya 2011) of words. We also look at high-frequency words (that occur ≥ 50 times in SynTagRus), since if a word appears only once or a few times in a corpus, the fact that it appears only in one or two paradigm forms is more a matter of chance than an indication of its paradigm or lack thereof. On the one hand, there are the so-called “paradigmatic gaps”: words like *mečta* ‘dream’ which lacks a Gen.Pl form, or *pylesosit'* ‘vacuum’ which lacks a 1.sg form. On the other hand, there are words that are extremely attracted to only one form, such as *v ramkax* ‘within the limits’, *na fone* ‘on the background’, *na protjaženii* ‘in the course of’, *(mne) (na)plevat'* ‘I don't give a damn’, *slyxal* ‘heard’, *izvinite* ‘excuse’, *procitiruju* ‘I quote’. But most words exist between these two extremes, although typically any given word does not represent any more than a small fragment of its paradigm. Mastery of paradigm forms is a challenge, since even native speakers can have trouble with them, as evidenced by the common generation of non-normative forms such as **baržej* instead of *barž* as the Gen.Pl of *barža* ‘barge’.

We use correspondence analysis and other comparisons of grammatical profiles to show the patterns evident in Russian paradigms. Our hypothesis is that although individual words evidence only pieces of paradigms, these fragments overlap enough to make it possible to guess unattested forms. We model the guessing of unattested forms using a sequence-to-sequence neural network and compare training the network using complete paradigms to training using more realistic frequency-informed methods.

References

- Janda, L.A., Olga Lyashevskaya. 2011. Grammatical profiles and the interaction of the lexicon with aspect, tense and mood in Russian. *Cognitive Linguistics* 22:4, 719-763.
- Malouf, R. 2016. Generating morphological paradigms with a recurrent neural network. *San Diego Linguistic Papers* 6, 122–129.
- Zipf, G. 1949. *Human Behavior and the Principle of Least Effort*. New York: Addison-Wesley.

Nataliya Karageorgos (Gavrilova)

**How to Escape from Personality:
Mechanisms of Depersonalization in Arkadii Dragomoshchenko's Poetry**

While the cognitive approach to subjectification developed in the works of Ronald Langacker has been an increasingly productive tool in the cognitive analysis of the literary text, its opposite, impersonality, has received much less attention. At the same time, an emphasis on depersonalization has been an important trend in modern poetry, which, as T. S. Eliot famously announced in 1921, has to be “not the expression of personality, but an escape from personality” (43).

Inspired by investigations in cognitive poetics and stylistics undertaken by Peter Stockwell and Thomas Hansen, this research looks at how impersonality is structured in poetry which, in Mikhail Epstein's words, emanates a strange lyric “it” (136). I primarily focus on the poetry of Arkadii Dragomoshchenko, an influential contemporary Russian poet whose intention to reconceptualize poetic subjectivity is one of the most vivid features of his *ars poetica*, but, also, I include material from other poets engaged in the similar attempts to get rid of the egocentric predicament (T. S. Eliot, Joseph Brodsky).

The following stylistic attractors responsible for “impersonality effect” are discussed: indirect expression of subjectivity (impersonal sentences and sentences with generalized second person); bodily synecdoche as a designation of the self; nominative sentences and very few finite verbs; deviantly high quantity of participles, especially in sentences lacking verbal predicates.

Choosing to look at what is in the impersonal poem rather than what is not (personal deixis), the paper, ultimately, demonstrates, that, in its longing for depersonalization, not only does Dragomoshchenko's poetry infringe on the idea of the subject as an ego behind the poem, but also challenges the intuition of the subject as an agent in language itself. Thus, not only does such poetry undermine “the suspension of disbelief” (S. T. Coleridge) habitually associated with poetic lyricism, but also blends the figure/ground relations in the poem.

References

Eliot, T. S. *Selected Prose*. Harcourt Brace Jovanovich, 1975.

Epstein, Michail. *Postmodern v Rossii: literatura i teoriia*. Moskva: Izd. R. Elinina, 2000.

Noun word formation in Russian child speech (case study)¹

The report presents the results of investigation of acquisition of noun word formation in Russian, which can be characterised as a morphologically rich Eastern Slavic language approaching an ideal inflecting type (Dressler 2007: 4).

The aims of this study are a) to describe the general features of the early stages of development of the Russian derivational system in L1 and its main directions; b) to reveal the tendencies in the formation of ‘simplex – derivative’ pairs; c) to compare the acquisition of derivation (affixation) with compounding (Argus, Kazakovskaya 2013); d) to find out whether a building-block model of complexity (Zurek 1990, Dziubalska-Kořaczyk 2014) can be taken into account in the acquisition of derivatives. More specific research questions connected with this model, according to which complexity rises in the course of acquisition, are the following. Do simplexes occur first and only, after them, derivatives? Are suffixes used first with simple stems and afterwards with complex words (including derived stems and compounds)?

The results are based on the data of one longitudinal monolingual corpus (1;5 to 2;8; TD, mid. SES family) consisting of 28 hours of recorded spontaneous speech, which were transcribed and coded morphologically (CHILDES). The total number of nouns in the child speech (CS) is about 4000 (280 lemmas, 325 types, 456 tokens of derivatives (without repetitions)). The data was analysed according to a) the first occurrence of noun derivatives, b) their word formation features (definite model / pattern, affixes, semantics etc.) and grammatical characteristics, c) frequency and productivity, d) further development.

Our results have shown that a) nouns are an earlier and preferred base for derivation (at 1;5, 87%), b) concrete references (persons, objects) are before actions, c) diminutives are before non-diminutives (viz. stylistic modifications, females, animal babies, singulatives), d) suffixes are before prefixes (i.e. early positional salience). One can conclude that the building-block model might be applied for Russian L1 only partially, because 58% of all noun lemmas appear in CS for the first time as derivatives and 71% of them do not have a simplex match in the data. However, initially, derivational suffixes are mostly used with simple stems/roots and then with complex nouns: cf. *dyr-k-a* ‘hole’ (1;5), *grib/och-ek* ‘mushroom-DIM’ (1;8) *magnit+o+fon* ‘record player’ (1;11), *sam+o+let-Ø* ‘airplane’ (2;0); thus, ‘simple’ derivations are before complex ones (including synthetic compounds, which often have zero suffixation in Russian).

References

- Argus R., Kazakovskaya V. 2013. Acquisition of compounds in Estonian and Russian: frequency, productivity, transparency and simplicity effect. *Eesti Rakenduslingvistika Uhingu Aastaraamat* 9, 23–42.
- Dressler, W. U. 2007. Introduction. In *Typological Perspectives on the Acquisition of Noun and Verb Morphology* [Antwerp Papers in Linguistics 112], S. Laaha & S. Gillis (eds), 3–9. Antwerp: University of Antwerp.
- Dziubalska-Kořaczyk K. (ed.) 2014. Special volume on linguistic complexity. *Papers and Studies in Contemporary Linguistics* 50, 2.
- Zurek, W. H. 1990 (ed.). *Complexity, Entropy and the Physics of Information*. Redwood City: Addison Wesley.

---

¹ This research was carried out with the financial support of the Russian National Foundation (14-18-03668).

**Linguistic Connotation as a Tool of Cognitive Analysis of Lexicon
(in Russian and English Languages)**

Цель данной работы заключается в представлении системного описания феномена лингвистической коннотации. Исходным положением предлагаемого описания выдвигается наличие единой когнитивной базы, рассматриваемой как «единство алгоритма восприятия явлений действительности, системы порицания и оценок, которые определяют модели социального поведения» (Туркова-Зарайская, 2002:35). Единство алгоритма восприятия обуславливает универсальность коннотации как фрагмента сознания носителей языка, отражающего восприятие мира лингвосоциумом. Данный параметр выступает в работе в качестве *tertium comparationis* при проведении сопоставительных исследований.

В то же время, важнейшим свойством коннотации является ее межъязыковая вариативность, которая обусловлена различиями исторического, социокультурного и политического плана, присущими тому или иному лингвосоциуму. Культурно-специфические коннотации языковых единиц создают проблемы при межкультурной коммуникации и неоднократно, рассматривались в трудах лингводидактического, переводоведческого характера, работах междисциплинарной направленности, а также исследованиях по кросс-культурной коммуникации. Коннотативный диссонанс денотативно эквивалентных языковых единиц породил необходимость межъязыковых сопоставительных исследований системного характера, с привлечением данных из областей социолингвистики, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики (Aliakbari, 2013; Hinkel, 2009; Keith, 2009).

Предлагаемое исследование проводится на репрезентативном материале русского и английского языков. Методология исследования базируется на идее мультиаспектного рассмотрения понятия коннотации, с особым вниманием к его когнитивному началу. В качестве основных методов исследования используются сравнительно-сопоставительный метод, контрастивный, дефиниционный и контекстуальный анализ.

Теоретическими основаниями для проведения исследования являются следующие положения: изначально, являясь объектом исследования философии и логики, понятие коннотации «мигрировало» в иные научные сферы и адаптировалось под терминологический и методологический аппарат соответствующих наук. Так, например, в философии и логике коннотация сопоставляется с символом, в культурологии исследователи оперируют термином «культурная коннотация», в психологии коннотация функционирует как синоним термина «ассоциация», в когнитивной лингвистике коннотативное значение слова связывают с бессознательными архетипическими представлениями определенных лингвосоциумов (Tsaregorodtseva, 2015). Целостное описание феномена лингвистической коннотации возможно при выделении его сущностных характеристик, которые обусловили его многоаспектность и междисциплинарность, а также с учетом «эволюции взглядов на соотношение бытия, мышления и языка» (Зубкова, 2016).

Прикладная значимость работы состоит в возможности применения ее результатов не только при исследовании универсальных и специфических характеристик единой когнитивной базы, но и для совершенствования лингвистических, лингводидактических, лингвокультурологических и переводческих приемов, подходов и решений.

Литература

- Туркова-Зарайская М.О.(2002). Особенности понимания библеизмов современными носителями языка [Текст] : дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / М.О. Туркова-Зарайская; Твер. Гос. ун-т. Тверь, 2002.
- Зубкова Л.Г. (2016). Теория языка в ее развитии. От натуроцентризма к логоцентризму через синтез к лингвоцентризму и к новому синтезу. М.: Издательский дом ЯСК. – 2016.
- Aliakbari M., Khosravian F. (2012). A Corpus analysis of colour-term Conceptual metaphors in Persian Proverbs. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 70, 11-17.
- Contrastive Analysis in Language. Identifying Linguistic Units of Comparison* (2004). Edited by Dominic Willems, Bart Defranque, Timothy Colleman, Dirk Noel. Palgrave Macmillan. 2004.
- Hinkel Eli (2009). *Culture in Second Language Teaching and Learning*. – Cambridge: Cambridge University Press.
- Keith Allan (2009). The Connotations of English Colour Terms: Colour-based X-phemisms. *Journal of Pragmatics*, Volume 41, Issue 3, March 2009, Pages 626-637
- Tsaregorodtseva O.V., Miklashevsky A.A. (2015). Different Languages, Same Sun, and Same Grass: Do Linguistic Stimuli Influence Attention Shifts in Russian. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 215, 279-286.

Компаративные конструкции со словом *менее* в русском языке

Компаративные конструкции со словом *менее* типа *менее сложный*, *менее холодный* и т. п. (их можно назвать «инфериорными») занимают периферийное положение среди форм степеней сравнения.

С одной стороны, высказывалось мнение, что «From a cognitive point of view, it is more salient to describe entities that are larger, smaller, than those that are less large, less small and so forth» (Cuzzolin, Lehmann 2004: 1213). С другой стороны, «инфериорные» формы сравнительной степени могут считаться избыточными. Пары доминирующих «супериорных» конструкций с полярными антонимами (например, *более темный* и *более светлый*) в совокупности покрывают весь диапазон градаций соответствующего признака. Если исходить из того, что прилагательное со значением малого полюса шкалы содержит отрицание (Апресян 1974 302–305; Givón 1978: 108–109), то окажется, что сочетания «с одинаковыми знаками»: *более шумный* (+ +) и *менее тихий* (– –) – выражают возрастание абсолютной величины признака – «плюсовое» изменение уровня шума, а комбинации «с разными знаками»: *более тихий* (+ –) и *менее шумный* (– +) – уменьшение абсолютной величины признака, т. е. его «минусовое» изменение. В результате, с «алгебраической» точки зрения, *менее тихий* должно значить то же, что и *более шумный*, а *менее шумный* – то же, что и *более тихий*.

Тем не менее, хотя «инфериорные» компаративные конструкции употребляются в несколько раз реже, чем «супериорные», они отнюдь не являются редкостью. Судя по данным Национального корпуса русского языка, употребление конструкций со словом *менее* чаще всего обуславливается заданным в предшествующем контексте ожидаемым уровнем интенсивности признака:

- (1) *Он любил математику. Я предпочитал менее точные науки. Оба мы, впрочем, были изрядными лентяями* [Сергей Довлатов. Чемодан (1986)];
- (2) *Несколько раз ему предлагали возглавить то одно, то другое издание, так или иначе связанное с путешествиями, но Ланин согласился лишь на предложение совсем иного рода, менее денежное, зато более надежное, и стал одним из замов в крупной полуправительственной газете* [Майя Кучерская. Тетя Мотя // «Знамя», 2012];
- (3) *Последняя книга, которую я одолел, была «20 тысяч лье под водой». Я и прежде читал эту книгу, но под менее загадочным названием, там «лье» называлось километрами, и это шибко опресняло название* [Виктор Астафьев. Обертон (1995-1996)]

Поэтому компаративные конструкции с *более* и *менее*, от которых ожидается равнозначность, могут быть противопоставлены к тексту:

- (4) *Нет никаких гарантий, что Чечня, став независимой, будет проводить в отношении Москвы более дружественную (а точнее, менее враждебную) политику* (Известия, 24.9.1999).

По-видимому, нечто подобное наблюдается в широко обсуждавшихся парах высказываний типа: *Этот бокал наполовину пуст* и *Этот бокал наполовину полон*, в которых по-разному осмысливается одна и та ситуация, отражая различия в фоновых ожиданиях и допущениях говорящего.

Литература

- Апресян Ю. Д. Грамматическая семантика. М.: Наука, 1974.
- Cuzzolin P., Lehmann, C. 2004. Comparison and gradation. G. Booij, C. Lehmann, J. Mugdan, S. Skopeteas (eds.). Morphology: An international handbook on inflection and word-formation. Vol. 2, 1212–1220. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.
- Givón, T. 1978. Negation in language: pragmatics, function, ontology. P. Cole (ed.). Syntax and semantics. Vol. 9. Pragmatics. N.Y.; San Francisco; L.: Academic Press, 69–112.

**Verba sonandi звуков животных в славянских языках:
метафоризация и автоматическая обработка данных**

В данном докладе предполагается представить результаты экспериментального исследования по изучению глаголов звучания, передающих звуки животных в славянских языках. Недавние исследования, проведённые в рамках российско-французского проекта SEGEL (*Le Son Entre Grammaire et Lexique*) (Rakhilina 2010, Rakhilina et al. 2017), показали, что эти глаголы реализуют довольно узкий спектр метафорических значений, включая невербальные, вербальные, а также звуковые жесты. Однако, несмотря на то, что удалось сделать ряд существенных замечаний, позволяющих сделать заметный вклад в современную теорию метафоры (в част., Lakoff & Johnson 1980, Croft 1993, Victorri & Fuchs 1996, Dirven 2002), до сих пор пока ещё не было возможности выделить на основе количественного подсчёта самые частотные употребления, встречающиеся в языках. Настоящий доклад представляет первую попытку такого рода. Используя новейшие методы автоматической обработки текста, выделяются и сравниваются основные, наиболее частотные метафорические значения данных глаголов в русском и сербском языках. Предполагается показать, какая доля метафорических переносов относится исключительно к людям, какая — к разным типам предметов или же элементам природы. Выделение как центральных, так и периферийных значений позволит обрисовать общую картину организации лексического поля глаголов звуков животных в славянских языках и откроет новые возможности анализа данных в рамках лексической типологии.

Литература

- Croft William, 1993, “The Role of Domains in the Interpretation of Metaphors and Metonymies”, *Cognitive Linguistics* 4, p. 335–370.
- Dirven René, 2002, « Metonymy and metaphor: Different mental strategies of conceptualisation », dans Dirven René & Ralf Pörings (eds.) *Metaphor and Metonymy in comparison and contrast*, Berlin/New York, Mouton de Gruyter, p. 75—111.
- Lakoff George & Johnson Mark L, 1980, *Metaphors we live by*, Chicago, University of Chicago Press.
- Larrivée Pierre (ed.), 2008, *Langages* 172, numéro thématique « Représentations du sens lexical », Paris, Larousse / Armand Collin.
- Peirsman Yves & Dirk Geeraerts, 2006, « Metonymy as a Prototypical category », *Cognitive Linguistics* 17(3), p. 269-316.
- Radden Günter & Zoltán Kövecses, 1999, « Towards a Theory of Metonymy », dans Panther Klaus-Uwe & Günter Radden (eds.), *Metonymy in Language and Thought*, Amsterdam & Philadelphia, John Benjamins, p. 17-59.
- Rakhilina Ekaterina, 2010, « Animal sounds: a human vantage point », dans Grønn Atle & Irena Marijanovic (eds.), *Oslo Studies in Language* 2(2), p. 319–338. Disponible en ligne sur URL : <https://www.journals.uio.no/index.php/osla/article/view/152/99>.
- Rakhilina Ekaterina, Jean-Marie Merle & Irina Kor Chahine (eds.), 2017, *Verba sonandi : les représentations linguistiques des cris d'animaux*, Aix-en-Provence, Presses universitaires de Provence.
- Victorri Bernard & Catherine Fuchs, 1996, *La Polysémie, construction dynamique du sens*, Paris, Hermès.

Russian verb paradigm: pattern in yod /j/

In this work I draw attention to the morphological pattern that relates the past/non-past stems of the most productive Russian *-aj* verb class (e.g., *chita-t'/chitaj-u* 'to read') and which is traditionally described as “j-deletion” (truncation) rule (Jakobson 1948, Gor & Chernigovskaya 2003). However, sometimes rules proposed to describe morphologically related words do not hold from the processing perspective. For instance, the consonant deletion rule in French adjectives is not consistent with language processing data (e.g., Royle 2011). In the case of Russian, the theoretical description of j-pattern as a consonant deletion rule implies that the non-past stem is underlying one (e.g., *chitaj-*) from which the past forms are derived (e.g., *chita-t'/-l/*). But this implication meets difficulties faced with acquisition data.

The processing of the Russian verb paradigm in child speech implies the acquisition of the past/non past stem allomorphy for irregular or sub-regular verb classes. For example, the verb *plakat'* ‘to cry’ has [plak/platʃ] and the verb *risovat'* ‘to draw’ has [risova/risu-j] allomorphs in their paradigm. In the child speech, these verbs undergo overregularization resulted from applying the default j-pattern (or “j-correlation model” according to Ceytlin 2009). The data from our elicited task with 76 monolingual Russian children aged 3 to 4 years old (M=3;4, SD=0,36) show that overregularizations in yod /j/ (e.g., *plakaj-et ‘(s)he is crying’ or **risovaj'-et* ‘(s)he is drawing’) constitute 15.35% of all productions. 12 verbs that can potentially undergo overregularization in the non-past tense were used in this study: all stimuli verbs have a thematic *-a-* vowel in the past stem and thus they share phonological similarity with the most productive *-aj-* verb class. Even though this pattern is not consistent across children and across verbs, the results demonstrate that Russian children at age of 3-4 years are sensitive to the default pattern, which confirms observations made in previous studies in Russian (e.g., Gor & Chernigovskaya 2003) and cross-linguistically (e.g., Marcus et al.1992, Royle 2007).

The question arises with respect to how children proceed while producing overregularized verb forms (e.g., *plakaj-u). If they apply “j-deletion” rule, that would mean that they delete /j/ in the past forms, which is rather counterintuitive, because before applying “j-deletion” rule children have to insert /j/ in the non-past forms. It is more natural to suppose that instead of applying “j-deletion” Russian children do “j-insertion” in the intervocalic stem/inflection boundary of the non-past forms. This rule allows them to eliminate allomorphy and maintain paradigm uniformity, which are considered as morpho/phonological constraints in language acquisition (e.g., Hayes 2004).

References

- Ceytlin, S.N. (2009). *Očerki po slovoobrazovaniju i formoobrazovaniju v detskoj rechi*. Moskva: Znak (Studia Philologica).
- Gor, K. & Chernigovskaya, T. (2003). Generation of complex verbal morphology in first and second language acquisition: evidence from Russian. *Proceedings of the 19th Scandinavian Conference of Linguistics*, vol.31.6 : Supplement, 819-833.
- Hayes, B. (2004). Phonological acquisition in Optimality Theory: The early stages. *Constraints in Phonological Acquisition*, 158–203.
- Jakobson, R. (1948). Russian conjugation. *Word* 4, 155-167.
- Marcus, G.F., Pinker, S., Ullman, M., Hollander, M., Rosen, T.J. & Xu, F. (1992). Overregularization in language acquisition. *Monographs of the Society for Research in Child Development*, 57(4).
- Royle, P. (2007). Variable effects of morphology and frequency on inflection patterns of French preschoolers. *The Mental Lexicon Journal*, 2(1), 103-125.
- Royle, P. (2011). On the Existence of C/Ø Alternation in French Adjectives: Theoretical and Empirical Questions. *Proceedings of the 17th International Congress of Phonetic Sciences*, Hong Kong, 2011, 1730-1733.

Типы и свойства метатекстовых конструкций

Доклад посвящен языковым процессам в сфере метатекста (см. [Wierzbicka 1971; Падучева 1991; Яковлева 1994], ср. также [Urmson 1970]).

Метатекстовые компоненты (МК) высказывания являются разновидностью конструкций (в смысле [Goldberg 1995; 2006; Croft 2002]): они могут иметь некомпозициональную семантику и системные ограничения, например:

- ограничения на субъект МК (говорящий / адресат) для разных типов МК: *Все это, насколько я понимаю, учитывается* – *Все это, насколько вы понимаете, учитывается* → *Все это, как вы понимаете, учитывается*;
- корреляции между субъектом МК (говорящий / адресат) и семантическим классом предиката МК (фактивные / пудативные предикаты): *Произошло, как вы знаете, недоразумение* – *Произошло, как вы считаете, недоразумение* → *Произошло, как я считаю, недоразумение*;
- согласование МК с иллокутивной функцией основного высказывания: *Тебе, я считаю, лучше признаться* – **Иди, я считаю, и признайся* → *Иди, прошу тебя, и признайся*.

МК можно рассматривать в рамках процесса грамматикализации [Bybee 1985; Bybee, Perkins, Pagliuca 1994; Campbell, Janda 2000; Bybee 2003], когда полнозначные единицы превращаются в служебные показатели. В этом процессе МК проходят разные ступени редукции, в ходе которой с МК происходят как синтаксические, так и семантические (идиоматизация, десемантизация) изменения. Первая ступень – редукция главной клаузы и превращение ее в МК. Далее, уже на уровне МК, также можно выделить разные режимы употребления, которые соответствуют разным ступеням редукции («ослабления») МК. В докладе этот процесс иллюстрируется показателями, ориентированными на адресата (далее – АМК). У АМК более широкая грамматическая парадигма, по сравнению с другими МК: АМК могут быть побудительными (*А вы ведь, признайтесь, поверили ему*); вопросительными (*Завтра, представляешь, будет 30 градусов*).

Для АМК можно выделить основной и «ослабленный» режимы употребления.

Основной режим можно, с разных точек зрения, называть также:

- риторическим, т.к. говорящий имеет цель усилить значимость своих слов и повлиять на внутреннее состояние адресата:
Да он, поймите же вы, и не собирался туда ехать;
- апеллятивным, если говорящий хочет добиться ответной реакции адресата:
А ведь вы, признайтесь, здорово испугались;
Он, согласитесь, совсем неплохой художник.
Часто такие МК бывают тавтологическими, или эксплицирующими: *И где, скажите / ответьте мне / объясните / я вас спрашиваю, искать эти документы?* – МК дублируют императивный компонент вопроса – побуждение к ответу;
- семантическим, т.к. АМК сохраняют исходное значение предиката и не могут заменяться на другие МК без существенного изменения смысла:
Он, поверьте мне, даже не думал об этом = *Поверьте, что он даже не думал об этом* ≠ *представьте / учтите / имейте в виду*.

«Ослабленный» режим употребления АМК можно также называть фатическим или десемантизированным:

Да я, вы знаете / знаете ли, и не хотел бы с ним встречаться – *знаете* используется не в исходном значении знания (т.к. высказывание сообщает новую информацию, которая

не может быть знанием адресата), а просто как контактоустанавливающая или «смягчающая» формула;

А вы, простите, не из МГУ? – говорящий не извиняется, т.к. не провинился.

Некоторые АВК образуют своего рода пары, т.е. допускают и семантическое, и десемантизированное употребление:

– *Я, уж вы простите, скажу всю правду* vs. – *А вы, простите, как сюда попали?*

– *И тогда она, вы только представьте себе, покрасила волосы в фиолетовый цвет* vs.

– *А я, представьте, так и думал* (*представьте* легко заменяется на другие ВК: *А я, кстати / между прочим / вообще-то, так и думал*).

**Vertical motion in three satellite-framed languages.
A cognitive linguistic study of Polish, Russian and English**

The study, carried out in the vein of Cognitive Linguistics, raises questions about relativism and conceptual universals. It is a contrastive analysis of the lexicalization of motion events in Polish, Russian and English with a special emphasis put on verbs. These languages belong to the same category of satellite-framed languages according to Talmy's typology (2000). Satellite-framed languages typically lexicalize the manner of motion in the verb root and the information about the path in the satellite.

Nevertheless, there are no clear-cut boundaries between satellite and verb-framed languages. Some languages, although belonging to the same typological category of verb-framed or satellite-framed languages, have a different place on the manner-saliency cline. Since languages within one typological group exhibit differences in the distribution of Path and Manner between specific surface elements, in the study the three languages are placed on these clines. An incentive for studying vertical motion is that the cross-linguistic studies carried so far focus exclusively on horizontal motion. Vertical motion, not being a canonical direction of movement of animate entities, is lexicalized extremely rarely but the existing studies of this type of motion (e.g. Filipović 2007, Naigles et al. 1998) find interesting peculiarities in this domain.

The aim of the present study is threefold: i. to examine the patterns of lexicalization of vertical motion in these languages, ii. to compare the lexicalization patterns of motion along the vertical plane with horizontal motion, iii. to place the three languages on the manner-saliency continuum, taking into consideration the lexicalization of (traditionally neglected) vertical motion.

For the purpose of the analysis, naturalistic language data were collected in the course of an elicitation task. Three groups of respondents consisting of Polish, Russian and English native speakers described motion situations shown in a series of video clips. Half of the video clips presented horizontal and the other half vertical type of movement, and the language data obtained in this way constituted the basis for cross-linguistic comparison.

The results indicate a different distribution of Path and Manner information in and outside the verb in coding motion along horizontal and vertical plane in all three languages under study. The differences concern both the surface elements conflating the Path and Manner of motion as well as the levels of granularity of these semantic components.

References

- Filipović, Luna. 2007. *Talking about Motion: A Crosslinguistic Investigation of Lexicalization Patterns*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
- Naigles, Letitia R., Ann R. Eisenberg, Edward T. Kako, Melissa Highter and Nancy McGraw. 1998. "Speaking of motion: Verb use in English and Spanish". *Language and Cognitive Processes* 13 (5), 521–549.
- Talmy, Leonard. 2000. *Toward a Cognitive Semantics*. Vol. II Cambridge, MA: MIT Press.

Non-naturally atomic count nouns and degree predicates in Slavic

Within formal semantics, a distinction is made between naturally and non-naturally atomic count nouns. Naturally atomic count nouns (*stol* 'table') denote spatially inherently bounded and thus countable objects. This inherent boundedness is a result of two factors: 1. the heterogeneity of the parts which make up an entity conceptualized as count noun and 2. a definite configuration of these parts. Corresponding to naturally atomic count nouns we have telic predicates in the verbal domain. For situations denoted by telic predicates (*odevat'sja* 'to dress') the inherent temporal boundedness is analogous to naturally atomic count nouns as a result of 1. the heterogeneity of the subevents which the situation consists of and 2. a strictly ordered arrangement of these subevents. Because telic predicates denote inherently bounded situations they form in all Slavic languages so called "aspectual pairs", that means besides the imperfective aspect they have a perfective partner which denotes the attainment of the inherent boundary.

Non-naturally atomic nouns denote countable, discrete objects although they meet neither the criterion of heterogeneity nor the criterion of a definite configuration of their parts. Examples are *zabor* 'fence', *stena* 'wall', *pole* 'field' and mathematical terms such as *linija* 'line' or *kvadrat* 'quadrat'. Like mass nouns, they fulfill the criteria of homogeneity and cumulativity. A fence can be divided in two parts both of which are fences. Two fences joined together are also one fence. As Susan Rothstein [2010] has shown, the individualization and thus countability for non-naturally atomic count nouns is realized by a relation to the dimension which is inherent in the entity denoted. A fence is a fence of a certain length; a field is a field of a certain size. This extension can be given (*zabor desjati metrov v dlinu* 'a fence 10 meters long') but this is not necessary.

In my contribution I would like to show that non-naturally atomic count nouns correspond to degree predicates in the verbal domain. Degree predicates (*rasširit'sja* 'widen', *xudet'* 'lose weight') are derived from gradable adjectives and denote a gradable change of state which goes on in time. Analogous to atterminative predicates (*rabotat'* 'work') which conceptualize the situation denoted as homogeneous degree predicates fulfill both the criterion of arbitrary divisibility (subinterval property) and the criterion of cumulativity. A situation denoted by a degree predicate which has lasted a certain length of time can be divided in several temporal stages which can be denoted with the same expression. If a situation such as *rasširjat' ulicu* 'widen a street' lasted two months, it also lasted one month. Likewise, the criterion of cumulativity is fulfilled. If someone lost weight for two months and then continues to lose weight for another two months, then the sum of these two situations is one longer situation which also can be denoted as losing weight.

Although degree predicates like mass nouns fulfill the criteria of homogeneity and cumulativity they form aspectual pairs. The paired perfective verb denotes a gradual change and therefore degree predications perfectivized by the paired verb denote situations that can be continued: *Saša potolstel i vse ešče tolsteet* 'Sasha has become fat and is still becoming fatter'. The parameter to which the change is related follows from the semantics of the adjective the degree predicate is derived from. It can be a change of width, length, height and so on. The extension of the parameter can be given *Temperatura povysilas' na 20 gradusov i vse ešče povyšetsja* 'The temperature has risen by 20 degree and is still rising'. But this is not obligatory: *Temperatura povysilas'* 'The temperature has risen'.

In Slavic aspectology the term telic (absolute terminative) is restricted to predicates which denote a situation with an inherent absolute boundary. Degree predicates are considered to be atelic [Glovinskaja 2001:100 103] because they do not have an inherent absolute boundary, only a relative one. But if one assumes that there is a parallelism between the conceptualization of spatial and temporal entities and also assumes that this parallelism is relevant for the category of aspect in Slavic languages, then degree predicates should not be classified as atelic, because they denote a change of state and have analogous to telic predicates paired perfective verbs which denote the attainment of a boundary, albeit a relative one. They should be classified as relative terminative.

So we have the following parallelism between count nouns and terminative predicates. Count nouns irrespective of their natural or non-natural atomicity denote countable entities. In the verbal

domain they correspond to terminative predicates having in all Slavic languages a perfective partner verb denoting the attainment of a boundary. For absolute terminative (= telic) predicates this is the attainment of the inherent and thus absolute boundary, for relative terminative predicates (= degree predicates) it is a relative boundary. Absolute terminative predicates (*odevat'sja* 'to dress') correspond to naturally atomic count nouns, relative terminative predicates (*rasširit' ulicu* 'to widen a street') to non-naturally atomic count nouns. In contrast, mass nouns correspond to aterminative predicates which denote situations conceptualized as homogeneous and therefore unbounded. Aterminative predicates do not have a perfective partner verb. Perfectivization is realized by external prefixes.

References

- Rothstein, S. (2010). Counting and the Mass/Count Distinction. *Journal of Semantics* 27(3), 343-397.
Гловинская, М.Я. (2001) Многозначность и синонимия в виде временной системе русского глагола. Москва: Азбука.

From negative purpose to apprehensive: Gradience in *da ne*-clauses

The investigation in this paper is focused on the apprehensive function of the particle *da ne* in Macedonian as an extension of the South Slavic subjunctive *da*-constructions. This particle is considered to be a fused unit used as a marker of a wider apprehensive-epistemic category. The combination of the subjunctive *da* and the negation *ne* particles is assumed to have undergone grammaticalization resulting in their morphosyntactic and prosodic unity and an independent functional-semantic content (Mitkovska et al. 2015). In terms of distribution, this particle may occur in both dependent and main clauses expressing related, gradient apprehensive-epistemic meanings. The apprehensive meaning belongs to a special type of modality involving the speaker's epistemic attitude intertwined with an emotion of fear that some uncontrollable event is possible. Cross-linguistically, they are coded by special forms and particles (Lichtenberk 1995, Dobrushina 2006). Accordingly, the common semantic component of the related functions the marker *da ne* expresses is the following: an undesirable possibility of some potential situation. There is a cognitive link between these members and a graded semantic shift along the semantic continuum they form. The shift is presumably triggered by speaker's increased subjectivity and emotional involvement in the epistemic evaluation of a possible undesirable situation.

The goal of the paper is to categorize the apprehensive-epistemic types coded by *da ne* clauses, determine their specific structural and functional properties and establish the conceptual links between them. The paper takes a functional approach to the analysis of the apprehensive-epistemic semantic category because the categorization of its sub-types is determined on the basis of their functions in context. The analysis of examples proves the existing semantic gradience within this category in both dependent and independent use. These conclusions may be typologically relevant in view of the fact that other South Slavic (Bulgarian and Serbian) and Balkan non-Slavic languages have similar isofunctional and isomorphic means for expressing apprehensional meanings.

References

- Добрушина Н. Р. (2006) Грамматические формы и конструкции со значением опасения и предостережения. Вопросы языкознания 2, 28-67.
- Lichtenberk, Frantisek (1995) "Apprehensional Epistemics." In *Modality in Grammar and Discourse*, Joan Bybee and Suzanne Fleischman (eds), 293-327. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Mitkovska, Liljana, Eleni Buzarovska, Marija Kusevska (2015) "Macedonian 'da ne' Constructions as Distance Markers". *Distance in Language, Language of Distance*, Barbara Sonnenhauser and Anastasia Meermann (eds), 243–262. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing.

Studying Semantic Structure of Russian Collocations by Distributional Word Representations

Recent achievements in computational distributional semantics and construction grammar provide sophisticated techniques aimed at reliable retrieval and profound linguistic analysis of word combinations with predictable properties.

Formal features of collocations (word co-occurrence, POS and syntactic relations tags) serve as an empirical basis of statistical and machine learning approaches towards their detection. Thus, distributed word representations in vector space described in (Mikolov et al. 2013) and supported by Word2Vec toolkit (URL: <https://code.google.com/archive/p/word2vec/>) proved to be a powerful framework for the study of collocations.

We focus our attention on Russian collocations built according to particular lexical-syntactic patterns (primarily, adjective-noun and verb-noun groups). Collocations are extracted from representative corpora of Russian and ranked according to syntagmatic association strength. We employed a set of models allowing to calculate compatibility of words within collocations (simple distributional measure, vector difference based measure, measure based on vector composition, etc.). The given models showed high accuracy in course of a pseudo-disambiguation test used for evaluation of results [Bukia et al. 2016].

Our study was inspired both by positive results (i.e. acceptable collocation lists) and erroneous cases produced by the models or detected in the corpus [Kochmar, Briscoe 2013; Panicheva 2016].

As regards their semantic structure, collocations are generally treated as compositional (i.e. induced from the meanings of their parts, e.g. *информационное сообщение* ‘information report’) or non-compositional (including unpredictable semantic features, e.g. *информационная чума* ‘information boom’). Our data prove that logical treatment of compositionality can be enriched by linguistic theories which explain several patterns of meaning interaction (e.g., agreement, attachment and mismatch [Apresjan 1995; Gak 1998]). Thus, the next step towards elaboration of collocation extraction techniques should be prediction of their lexical-semantic type.

Current research is focused on automatic retrieval, classification (and if necessary, correction) of collocations with a) blendings (e.g., **следовать взглядам* ‘*follow the rules’, **брать роль* ‘*take the role’, etc.), b) metaphorical use (e.g., *выкроить платье* ‘cut off a dress’ vs. *выкроить время* ‘find the time’), c) lexical functions (Mel’čuk 1998) according to «Meaning $\Leftrightarrow$ Text» theory (e.g., *жить* ‘live’ = REAL1(*дом* ‘house’), *квартира* ‘flat’ = СОИРП(*дом* ‘house’); *эскадра* ‘squadron’ = MULT(*корабль* ‘ship’)).

References

- Apresjan, Ju.D. Zakony vzaimodejstvija znachenij. In: Apresjan Ju.D. Izbrannyje Trudy. T.1. Leksicheskaja semantika: Synonimicheskiye sredstva jazyka. M., 1995. P. 79-94.
- Gak, V.G. K probleme semanticheskoy syntagmatiki. In: Gak V.G. Jazykovye preobrazovanija. M., 1998. P. 272-297.
- Kochmar, E., Briscoe, T. Capturing anomalies in the choice of content words in compositional distributional semantic space. In: RANLP. 2013. P. 365-372.
- Mikolov, T., Sutskever, I., Chen, K., Corrado, G.S., Dean, J. Distributed representations of words and phrases and their compositionality. In: Advances in Neural Information Processing Systems. 2013. P. 3111–3119.

- Mel'čuk, I.A. Collocations and Lexical Functions. In Anthony P. Cowie (ed.) *Phraseology. Theory, analysis, and applications*, 23–53. Oxford: Clarendon, 1998.
- Panicheva P. Distributional analysis of Russian lexical errors // *Proceedings of 7th Tutorial and Research Workshop on Experimental Linguistics, ExLing 2016* / ed. A. Botinis. – Saint Petersburg: International Speech Communication Association, 2016. P. 123-127.
- Bukia G. T., Protopopova E. V., Panicheva P. V., Mitrofanova O. A. Estimating Syntagmatic Association Strength Using Distributional Word Representations. In: *Computational Linguistics and Intellectual Technologies, Proceedings of the Annual International Conference "Dialogue"* (2016), 2016. Vol. 15. P. 112-122.

Prefix variation in Bulgarian and Croatian. The case of *do-*

This analysis is part of a broader project researching the meaning of verbal prefixes in (South) Slavic from a comparative perspective. The present research focuses on the verbal prefix *do-* in two South Slavic languages, Bulgarian (BG) and Croatian (Cro), in a cognitive linguistics framework using two databases of prefixed verbs drawn from dictionaries and online corpora.

The interest in the meanings of prefixed verbs within a group of very similar languages, such as South Slavic, is provoked by the fact that similar languages do not necessarily follow the same prefixation pattern, but exhibit curious differences in the conceptualization of space resulting in unexpected variation in the prefix choice even with the same verb stems. Existing comparative studies on Slavic prefixes (e.g. Nedelcheva (2008), Dickey (2011, 2012), Šarić and Tchizmarova (2013), Šarić and Nedelcheva (2015)) do not consider the prefix *do-*.

We apply to prefixed verbs the Overlap Hypothesis (Janda et al. 2013) which states that prefixes always have their own meaning, although, sometimes they seem to be devoid of it: in these cases, the meaning of the prefix overlaps with the meaning of the simplex/unprefixed verb, which results in an illusion of emptiness.

We build the semantic networks of *do-* verbs in BG and Cro and point to similarities and overlapping categories, as well as to differences. We find points of intersection between the networks in the categories: REACH A GOAL, ACHIEVE/ FINISH, ADD. In Bulgarian one more category is attested: FEEL LIKE. When considering the differences, we take into account prefixes semantically similar to *do-* that combine with the same bases forming either prefixed near-synonyms (e.g., Cro *dospjeti, prispjesi* ‘arrive’) or prefix variation in verbs that are only seemingly near-synonyms (e.g., BG *do-stigam, na-stigam* ‘reach’, *pri-stigam* ‘arrive’; Cro *do-vesti* ‘bring’, *pri-vesti* ‘arrest’, *na-vesti* ‘inveigle; quote; state’). We examine the overlap of meaning networks of prefixes semantically related to *do-* (e.g., *na-*, *pri-*) within one language and across the two languages, as well as prefix variation that is a result of different construals of the same event.

References

- Dickey, S. 2011. “The Varying Role of PO- in the Grammaticalization of Slavic Aspectual Systems: Sequences of Events, Delimitatives, and German Language Contact.” In: *Journal of Slavic Linguistics* 19(2): 175–230.
- Dickey, S. 2012. “Orphan Prefixes and the Grammaticalization of Aspect in South Slavic.” *Jezikoslovlje* 13(1): 71-105.
- Janda, L. A., et al. 2013. *Why Russian Aspectual Prefixes Aren’t Empty. Prefixes as Verb Classifiers*. Bloomington, IN: Slavica Publishers.
- Nedelcheva, S. 2008. “Kognitivna semantična vržka meždū anglijskite frazovi glagoli s OUT i bālgarskite glagoli s predstavka IZ-.” *Ljuboslovie* 9. Shumen: Konstantin Preslavsky University Press, 176–188.
- Przybylska, R. 2006. *Schematy wyobrazeniowe a semantyka polskich prefiksów czasownikowych do , od , prze , roz , u* . Kraków: Universitas.
- Šarić, L., Nedelcheva, S. 2015. “The verbal prefix o(b)- in Croatian and Bulgarian: The semantic network and challenges of a corpus-based study.” *Suvremena lingvistika* 40: 149–179.
- Šarić, L., Tchizmarova, I. 2013. “Space and metaphor in verbs prefixed with od-/ot- ‘from’ in Bosnian/Croatian/Serbian and Bulgarian.” *Oslo Studies in Language* 5, 1: 7–33.

Compounds in Contrast

One of the striking differences between Germanic and Slavic languages concerns the abundance of compounding in Germanic and its relative scarcity in Slavic. Although this observation is well known, contrastive studies of compounding in Germanic and Slavic are few and far between. The present paper seeks to fill this knowledge gap through a thorough empirical study of Norwegian compounds such as *bilselger* ‘car salesman’ and *nattbord* ‘nightstand’ and their equivalents in Russian. It is argued that Russian has a rich inventory of constructions corresponding to Norwegian compounds, and that cognitive linguistics offers an insightful approach in terms of radial categories.

The following hypothesis adapted from Mezhevich 2002 forms the starting point for the present study:

- (1) a. Head nouns assigning a semantic role to their non-head argument yield genitive constructions in Russian.
- b. Heads that do not assign semantic roles yield adjective + noun constructions in Russian.

Thus, according to the hypothesis, compounds like *bilselger* ‘car salesman’ are translated by means of genitive constructions (*prodavec mašin*), since the head noun *selger* ‘salesman’ assigns the semantic role PATIENT to the non-head noun *bil* ‘car’. Compounds like *nattbord* ‘nightstand’, on the other hand, are expected to correspond to adjective + noun constructions, such as *nočnoj stolik*.

In order to test this hypothesis empirically, I have created a database based on three Norwegian novels and their Russian translations, as well as three Russian novels and their translations into Norwegian. While preliminary results suggest that the hypothesis in (1) is on the right track, two modifications are necessary. First, it is shown that Russian has a much richer inventory of constructions corresponding to Norwegian compounds than the adjective + noun and noun + noun in the genitive constructions mentioned in (1). For instance, the database displays examples of simplex nouns (*kosmos* for *verdensrom* ‘universe’), derived nouns (*bol’nica* for *sykehus* ‘hospital’), noun + PP (*butylka iz-pod mineral’noj vody* for *farrisflaske* ‘mineral water bottle’), noun + noun in other oblique cases (*rukoj žest* for *håndbevegelse* ‘hand movement’), and compounds (*gazonkosilka* for *gressklipper* ‘lawn-mower’).

A second and theoretically more important critique of the hypothesis in (1) is that it is far from clear what kinds of head nouns are able to assign semantic roles and thus yield genitive constructions in Russian (Eckhoff 2012). In addition to genitive constructions with straightforward deverbal head nouns such as *selger* ‘salesman’ (*bilselger* = *prodavec mašin*), we also find genitive constructions in cases like *simvol vysokogo statusa* for *statussymbol* ‘status symbol’, where the head noun is less directly related to a verb. It is argued that head nouns yielding genitive constructions constitute a radial category, and that cognitive linguistics therefore offers valuable tools for the study of compounds in contrast.

References

- Eckhoff, H.M. (2012): *Russian Possessive Constructions*. Berlin: De Gruyter Mouton.
Mezhevich, I. (2002): English Compounds and Russian Relational Adjectives. *Proceedings NWLC* 2002.

**Прагматические жесты в рассказе
(исследование на материале русского языка)¹**

Жестикуляция, сопровождающая устное общение, по своим свойствам не похожа на язык, на котором идет разговор. Сопровождая свои слова жестами, человек использует знаки, для которых нет словаря, т.е. нет устойчивой связи между означаемым и означающим, которые создаются спонтанно в момент их использования и не ограничены правилами (синтаксическими, морфологическими и проч.), обязательными для языковых единиц (McNeill 1992). При этом жесты свободны в выборе значений, которые будут переданы от жестикулирующего к адресату, что позволяет передавать с помощью жестов разнообразную информацию. Слушатель интерпретирует вербальное послание в соответствии с его прагматическими характеристиками; жесты также содержат информацию, важную для понимания слов адресатом.

В работе (Müller 2013) содержится описание прагматических жестов, встреченных у носителей немецкого языка. По нашим наблюдениям, русские прагматические жесты несколько отличаются от немецких.

Мы использовали для нашего исследования видеозаписи, в которых один из испытуемых пересказывал другому короткий видеосюжет. В отличие от К.Мюллер, при аннотации жестов мы не отключали звук, полагая, что прагматические жесты могут обладать нестандартной формой, быть редуцированными либо накладываться на репрезентативные жесты. Общая продолжительность видео – более 4 часов. Изученные данные показывают, что прагматическая составляющая присутствует во многих жестах, до 1/3 жестов являются прагматическими по своей форме и функциям либо содержат прагматический компонент. Нередки случаи, когда в одном движении сочетаются репрезентативный и прагматический жест. Например, указание на лицо при описании внешности актеров объединено одной дугой с жестом РУОН (открытая ладонь вверх, пальцы развернуты к слушающему), при этом указательный палец остается выпрямленным. Другой частый случай – сочетание нескольких значений в одном движении: указывая на перемещение героев, говорящий на всей траектории сохранял форму упомянутого жеста РУОН. Такие жесты, значение которых – презентация некоторых концептов, могут быть очень разными по форме. Так, помимо ладони, развернутой вверх, неоднократно встречались случаи, когда ладонь была развернута к адресату (например, при описании сцены в целом, в сочетании с дугообразным движением от центра в стороны и вниз). Похожим значением, по нашим наблюдениям, могут обладать и движения, когда ладони развернуты вниз, а руки движутся по прямой траектории (от центра в стороны параллельно полу) или по дуге (от центра в стороны и вниз). Также в нашем корпусе встретились случаи, когда два прагматических жеста сочетались в одном движении: например, жест презентации (РУОН) вместе с жестом, передающим значение приближенности (вращение кисти в запястье, небольшое по амплитуде).

Как видно уже из приведенных примеров, чаще всего среди прагматических жестов встречаются жесты презентации (такие как РУОН), при этом их форма может сильно меняться в разных контекстах. Вариативность формы также очень сильно определяется индивидуальными особенностями говорящего.

Таким образом, наше исследование показывает, что прагматические значения в жестикуляции могут передаваться очень разнообразными средствами, при этом сочетаясь с

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 14-18-03819).

пропозициональными значениями в жесте; один жест может выполнять несколько прагматических функций, сочетая формальные признаки разных прагматических жестов. Кроме того, можно говорить о межъязыковых различиях для жестов этого типа.

Литература

- McNeill D. (1992), *Hand and Mind: What Gestures Reveal about Thought*, Chicago: University of Chicago Press.
- Müller C., Bressemer J. and Ladewig S.H. (2013), *Towards a grammar of gestures: A form-based view*, *Body — Language — Communication: An International Handbook on Multimodality in Human Interaction*, Berlin: de Gruyter Mouton, pp. 707–733.

**From Specialized to Natural?
Russian aspectual pair relations in a diachronic perspective**

In Russian aspectology, it is customary to make a distinction between perfective verbs that function as the aspectual “partner” of a simplex imperfective (“Natural Perfective”), e.g. *написать*^P ‘write’ which has a “pair” relation with *писать*^I ‘write’, and perfective verbs that cannot function as the aspectual partner of a simplex imperfective (“Specialized Perfective”), e.g. *подписать*^P ‘sign’. Morphologically, the two types of perfective verbs are identical insofar as both are derived from the simplex verb via prefixation, but in Specialized Perfectives the semantic content of the prefix changes the lexical meaning of the verb, while in Natural Perfectives the semantic content of the prefix overlaps with the lexical meaning of the verb. Traditionally, the two categories have been seen as distinct and non-overlapping, but recent studies suggest that they rather form a continuum with clear representatives at the end-points and a “grey zone” in-between (Janda et al. 2013, Kuznetsova 2015).

In the present paper, I seek to shed light on the historical development of Natural and Specialized Perfectives by investigating seven prefixations of one simplex verb, *путать* ‘mix up, mess up, tangle, confuse, complicate’, in detail. Of these prefixations, three involve verbs that are considered to be Natural Perfectives in modern Russian, while four involve Specialized Perfectives. I hypothesize that all Russian perfectives used to be Specialized, and that some verbs have developed an aspectual pair relation with the simplex verb over time. In order to test this hypothesis, I use corpus data for the relevant verbs from the Russian National Corpus and compare the frequency and behavior of the verbs in two time periods, 1800-1849 vs. 1950-1999. My study shows that the four Specialized Perfectives largely behave the same way in the two samples, while the three verbs that now are considered to be Natural Perfectives, have changed a lot with regard to their frequency and syntax. I explore the relevant changes and discuss their consequences for the hypothesis that Natural Perfectives have developed from Specialized Perfectives.

References

- Janda, Laura A., Anna Endresen, Julia Kuznetsova, Olga Lyashevskaya, Anastasia Makarova, Tore Nessel and Svetlana Sokolova. (2013) Why Russian aspectual prefixes aren’t empty: prefixes as verb classifiers. Bloomington IN: Slavica Publishers.
- Kuznetsova, Julia. (2015) Linguistics profiles: Going from form to meaning via statistics. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton.

The influence of constructional schemas on the lexical and syntactic flexibility of verbal idioms in Croatian

Studies on idiom variation in Slavic languages have shown that verbal idioms vary their lexical and syntactic structure and that this variation is systematic (Parizoska 2009; Dobrovol'skij 2011). For example, idioms with force-dynamic verbs (Talmy 1988) have causative and non-causative variants (Cro. *dovesti u formu* 'whip someone into shape'; *doći u formu* 'get in shape') and may occur as the so-called converse pairs (Rus. *дать кому-л. зеленый свет* lit. give someone the green light 'give permission'; *получить зеленый свет* lit. get the green light 'get permission').

It has been established that idiom variation is constrained by the cognitive mechanisms motivating figurative meanings, the overall meaning of a given expression and the meanings of its component parts. Furthermore, most studies have focused almost exclusively on semantic constraints. The issue of grammatical constraints on idiom variation has been neglected, more specifically the influence of constructional schemas (Langacker 2008) on the types of variant realizations an idiom may occur in. Given that verbal idioms reflect event schemas (Radden and Dirven 2007) which are expressed as sentence patterns with a predicate and one or more arguments, it can be assumed that constructional schemas also play a role in idiom variation.

The aim of this paper is to show that the variability of verbal idioms is constrained by structural frames. Using data from the Croatian web corpus hrWaC, we analysed 100 idiom types which reflect force-dynamic schemas. The results show that lexical and syntactic alterations are dependent on the specific schema that an idiom reflects: action, transfer or motion. Idioms which reflect the action schema are coded as transitive or middle constructions with action verbs (e.g. *drma/ljulja se stolica* komu (lit. 'someone's chair is shaking') 'someone's job is in jeopardy'; *drmati/ljuljati stolicu* komu (lit. 'shake someone's chair') 'put someone's job in jeopardy'). Idioms which designate the transfer schema have variants with the agent and the recipient coded as the subject respectively (e.g. *kupiti mačka u vreći* 'buy a pig in a poke'; *prodati mačka u vreći* 'sell a pig in a poke'), while their verbal constituents may be replaced by other verbs designating physical and metaphorical transfer. Idioms reflecting the motion schema are lexically and syntactically the most flexible: they occur as constructions describing stative and dynamic events, as caused-motion and self-motion constructions, and as constructions describing motion to and from a location.

Overall, the results show that constructional schemas contribute significantly to the lexico-syntactic variability of idioms and that idiom variation is dependent on the interplay of semantic and grammatical factors.

References

- Dobrovol'skij, Dmitrij (2011). Konversija i aktantnaja derivacija vo frazeologii. *Slovo i jazyk. Sbornik statej k 80-letiju J. D. Apresjana*. Moskva: Jazyki slavjanskih kul'tur, 207-227.
- Langacker, Ronald W. (2008). *Cognitive Grammar: A Basic Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Parizoska, Jelena. (2009). Idiom variability in Croatian: the case of the CONTAINER schema. *Cognitive Studies* 9: 171-180.
- Radden, Günther, René Dirven (2007). *Cognitive English Grammar*. Amsterdam –Philadelphia: John Benjamins.
- Talmy, Leonard (1988). Force Dynamics in Language and Cognition. *Cognitive Science* 12: 49-100.

**How grammar and prosody contribute to shaping constructions:
the case of Russian *tip* ‘type’¹**

Basing on prosodically annotated corpus data from PrACS-Russ (www.spokencorpora.ru) and RNC (www.ruscorpora.ru), the paper investigates whether grammatical restructuring is accompanied by prosodic restructuring in the course of pragmatization and decategorization in a family of Russian “classifying” constructions with *tip* ‘type’ as a key word.

We identify three types of constructions coexisting in modern Russian listed below in the order of increasing decategorization. In the 2007-2013 spoken subcorpus of the RNC, (i), (ii) and (iii) are represented with a ratio of 6:32:62, which shows that more decategorized uses of *tip* predominate. The study demonstrates that decategorization of the key word *tip* doesn’t go hand in hand with the declination of its prosodic prominence, e.g. with its ability to carry the phrasal accent. Both in the least grammaticalized type (i) and the most grammaticalized (decategorized) type (iii), the key word *tip* is atonic (optionally in (i) and exclusively in (iii)), while in an intermediate type (ii) with an agreed modifier, it, conversely, systematically bears the phrasal accent (small caps show the word that carries the phrasal accent):

i) A two-part construction where *tip* is a full-fledged head-noun in NP. It licenses a Genitive case referring to “classified” items; while *tip* itself may acquire any case, e.g. Instrumental:

(1) *ya znakom s takim tipom KVARTIR*
I am.acquainted with such.INSTR type.INSTR flat.PL.GEN
‘I know this type of flats’.

ii) A three-part “parametric” construction where *tip* is considerably grammaticalized and decategorized in that it has a fixed GEN.SG form *tipa*, being an object of the head-noun that refers to the “classified” item. The third member of the construction refers to a particular value of the parameter (specifies the class) and it can occupy one of the two possible structural slots: it can be realized as a non-agreed nominal modifier following *tipa* (2); or as an agreed adjectival modifier preceding *tipa* (3):

(2) *kosmičeskie korabli tipa “SOJUZ”*
space ships type.GEN.SG Sojuz
‘spacecrafts of the “Sojuz” type’

(3) *kosmičeskie korabli novogo TIPA*
space ships new.GEN.SG type.GEN.SG
‘spacecrafts of the new type’

iii) A single-part fully pragmatized and decategorized use of non-inflected *tipa* ‘type.GEN.SG’ as a discourse hedging marker not integrated into the clause structure signaling that the speaker doesn’t want to share responsibility for other’s words, thoughts or attitudes, often accompanying reported speech:

---

¹The study is supported by RFFR (grant #16-06-00226).

- (4) *on* *govorit* *čto* *tipa* *ne* *POIJDĚT*
he says that type.GEN.SG NEG go.3.PRS
'He says that [he] is sort of not going'.

Russian classifying constructions thus, appear to differ principally from their English cognates with *sort-of* / *kind-of* / *type-of*, which, according to Dehé & Stathi 2016, demonstrate strong correlation between the increasing grammaticalization and decreasing prosodic prominence. The Russian case shows that the degree of grammaticalization can't be seen as a universal predictor of prosodic prominence, the latter may be influenced by other, possibly, language specific, factors, like word order and syntactic structure.

References

- Dehé, Nicole & Katerina Stathi (2016). Grammaticalization and prosody: the case of English sort/kind/type of constructions. *Language* 92(4): 911-947.

**Изучение выражения и варьирования модальности долженствования:
анализ модального предиката *придется/приходится***

Данная работа посвящена анализу употребления предиката *придется/приходится*. Она является частью моей диссертации о формальном анализе модальных предикатов, выражающих долженствование и выступающих в безличных предложениях с именем в дательном падеже: предикаты *надо/нужно*, *придется/приходится*, и дательно-инфинитивная структура.

Прийтись/приходиться является многозначным глаголом. Например, в словаре Ожегова, можно найти шесть разных значений для совершенного вида, и два дополнительных для несовершенного вида. К тому же, существуют и личные употребления (1) – с подлежащим в именительном падеже; и безличные употребления (2) – с инфинитивом и именем в дательном падеже.

- (1) *Пятое число пришлось на субботу.*
- (2) *Вам придется подождать.*

В данном исследовании будут изучены словосочетания *придется/приходится* с инфинитивом в безличных предложениях. Особое внимание уделяется виду глаголов (вида модального предиката и неопределенной формы глагола, которые могут употребляться в совершенном виде, а также в несовершенном виде), контексту высказывания (отношения между говорящим и адресатом, время действия, последовательность действий, и т.д) и их взаимодействиям друг на друга. Это нам поможет понять, почему в одном случае *придется/приходится* выражает обязанность, а в другом имеет совсем иной смысл.

Мы рассмотрим почему в одном контексте он выражает необходимость (3), а в другом позволяет говорящему осведомиться о том, случилось ли данное действие или нет (4).

- (3) *К тому же я всю жизнь составляю букеты, — раньше приходилось покупать цветы, а теперь просто беру их в своем цветнике.* [Юлия Галактионова. Идеальный вариант (2003) // «Ландшафтный дизайн», 2003.01.15]
- (4) *Наверняка вам приходилось встречать детишек, похожих на маленьких старичков* [Мария Давыдова. Кто в доме хозяин? (2003) // «100% здоровья», 2003.01.15]

Также важную роль для модальности играет присутствие отрицания: в следующем примере (5) выражается сожаление о том, что действие не произошло, а в последнем примере (6) наоборот, есть надежда, что этого не будет.

- (5) *Мы приехали во Владивосток рано утром, было еще совсем темно, и в воздухе висел туман... [...] Но мне так и не пришлось увидеть Владивосток днем, уже через три часа меня везли на катере на Русский остров.* [Евгений Гришковец. Как я съел собаку (1999)]
- (6) *Сама с раннего возраста абсолютно откровенно говорю с ними на эти темы и надеюсь, что им и их женам не придется пережить того, что пережила я. Так вот, все эти годы у нас все хорошо, я научила мужа и научилась сама.* [Владимир Шахиджян. 1001 вопрос про ЭТО (№№ 1-500) (1999)]

Основываясь на различных примерах в контексте (большинство из которых было взято из Национального корпуса русского языка) и на интервью с русскоязычными информантами, я рассмотрю употребления *придется/приходится* + инфинитив и проанализирую происхождение различных смыслов данного предиката.

Литература

- BENVENISTE, Émile. 1966. *Problèmes de linguistique générale 1*. Paris: Gallimard.
- BRICYN, V.M. 1990. *Sintaksis i semantika infinitiva v sovremennom rusском jazyke*. Naukova Dumka. Kiev.
- СЕЈЛИН, S.N. 1990. Neobhodimost', *Teorija funkcional'noj grammatiki. Temporalnost'. Modal'nost'*. L.:Nauka. 142-156
- CULIOLI, Antoine & PAILLARD, Denis. 1987. À propos de l'alternance imperfectif/perfectif dans les énoncés impératifs. *Revue des études slaves* 59(3). 527-534.
- KOBOZEVA, Irina & LAUFER, Nataša. 1991. Semantika modal'nyx predikatov dolženstvovanija. In N.D Arutjunova (otv. red). 169-175.
- OŽEGOV, Sergej. 2009. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka*, 26-e izdanie, Moskva.

**Переход в непереходные:
синтаксические стратегии выражения боли в словенском языке**

В докладе рассматриваются семантические и синтаксические свойства глаголов словенского языка, которые в переносном значении обозначают физическую боль и неприятные физиологические ощущения.

Основным болевым глаголом в словенском языке является переходный глагол *boleti*, имеющий значение ‘причинять боль’ в личных переходных конструкциях с подлежащим — частью тела (1) и ‘испытывать боль’ в безличных конструкциях с частью тела как локализацией боли (2). Лицо, испытывающее боль, как во всех современных южно- и западнославянских языках, выступает в винительном падеже.

(1) слн. *Boli me* (ACC) *glava* (NOM).
букв. ‘Болят меня голова’. (‘У меня болят голова’.)

(2) слн. *Boli me* (ACC) *v prsih* (LOC).
букв. ‘Болят меня в груди’. (‘У меня болят в груди’.)

В докладе обсуждаются вторичные глаголы боли, восходящие к глаголам горения (*goreti* ‘гореть’, *peči* ‘печь’), глаголам звука (*zvoniti* ‘звенеть’, *kruliti* ‘хрюкать, урчать’), глаголам разрушения и деформации (*zbadati* ‘резать’, *špikati* ‘колоть’, *trgati* ‘рвать’) и др., см. [Брицын и др. 2009].

Вторичные предикаты боли, будучи разнородными по своей исходной семантике, демонстрируют в разных языках разные синтаксические стратегии выражения боли, которые интересны с когнитивной точки зрения.

Самым ожидаемым является наследование синтаксического поведения первичного болевого предиката.

В словенском языке этой стратегии придерживается подавляющее большинство двухместных глаголов: они сохраняют переходность и могут реализовываться в личной или безличной форме:

(3) слн. *Grlo* (NOM) *me* (ACC) *peče*. (личная конструкция)
букв. ‘Горло меня печет’. (‘У меня жжение в горле’.)

(4) слн. *Peče me* (ACC) *v očesu* (LOC). (безличная конструкция)
букв. ‘Печет меня в глазу’. (‘У меня болят глаз’.)

Непереходные одноместные словенские глаголы не становятся переходными (то же в сербском и хорватском). Однако они меняются, приобретая валентность дативного посессора (имя лица). Новая конструкция в синтаксическом плане хорошо отражает стативность и экспириенциальность, свойственные ситуации боли.

(5) слн. *Svinja* (NOM) *kruli*. (одноместный глагол *kruliti*)
‘Свинья хрюкает’.

(6) слн. *Kruli mi* (DAT) *v želodcu* (LOC).
букв. ‘Хрюкает мне в желудке’. (‘У меня урчит в животе’.)

Между тем есть класс глаголов, которые при переходе в поле БОЛЬ меняют свою структуру радикально. Такая ситуация возникает и в других языках (ср. поведение глаголов типа *колоть* в русском). Однако в словенском синтаксической перестройке подвергаются глаголы другого акционального класса, а именно каузативные глаголы уничтожения (*razbijati* = ‘разбивать’, *počiti* = ‘лопнуть; сделать так, чтобы предмет лопнул / треснул’).

Когда эти глаголы становятся болевыми, они теряют способность употребляться в номинативно-аккузативных конструкциях. Они могут становиться непереходными, а также употребляться в безличных конструкциях, ср. (7) vs. (8, 9).

(7) слн. *Otroci (NOM) so razbijali igrače (ACC)*. (переходный глагол *razbijati*)

‘Дети уничтожали/разбивали игрушки’.

(8) слн. *Glava (NOM) mi (DAT) bo počila*.

‘У меня голова вот-вот лопнет’.

(9) слн. *V glavi (LOC) mi (DAT) razbija*.

букв. ‘В голове мне разбивает’. (‘Голова раскалывается’).

В докладе мы сопоставляем описанные особенности словенского языка в отношении болевых конструкций с ситуацией в других славянских языках и обсуждаем причины и когнитивную природу наблюдаемых там эффектов.

Литература

Брыцын и др. (ред.). 2009. Концепт боль в типологическом освещении. Киев: Видавничий Дім Дмитра Бураго.

Рахилина Е.В. и др. (ред.) 2010. Лингвистика конструкций. М., Азбуковник.

Žele Andreja. 2008. *Vezljivostni slovar slovenskih glagolov*. Ljubljana: Založba ZRC.

Источники

Fran = Fran: slovarji Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU. URL: www.fran.si
GigaFida, korpusna besedilna zbirka, <http://www.gigafida.net>.

Русские частицы *мол* и *якобы* в рассказе о невербальном поведении

В ряде лингвистических работ последних лет было показано, что русские частицы *мол* и *якобы*, используемые при передаче чужой речи и нередко помещаемые в один ряд в грамматических описаниях, имеют совсем разные функции. Частица *мол*, как правило, используется при передаче содержания чужой или даже собственной речи «своими словами»; говорящий не только не претендует на точность передачи, но и явным образом дает понять, что передает смысл так, как считает это нужным, имитируя то, что, как ему кажется, об этом думает или мог бы сказать субъект. Частица *якобы* предполагает более или менее адекватную передачу того, что было сказано, однако говорящий дистанцируется от передаваемого содержания, выражая сомнение в том, что оно соответствует действительности (а чаще всего уверенность в противоположном).

Заметим, что различие указанных частиц особенно ярко проявляется, когда они используются не для передачи речи, а в рассказе о невербальном поведении.

То, что частица *мол* нередко передает смысл невербального поведения (подчас скрытый), уже отмечалось в ряде работ. Общая схема – дать описание невербального поведения с внешней стороны и тут же эксплицировать его смысл, передавая внутренний нарратив субъекта по этому поводу, как его себе представляет говорящий. Говорящий интерпретирует поведение (или даже неконтролируемые невербальные проявления) субъекта, приписывая субъекту некую мотивацию этих проявлений, которая выражается во внутреннем нарративе и поэтому часто содержит речевые особенности, которые, с точки зрения говорящего, характерны для этого субъекта. Поэтому примеры с *мол* часто содержат речевые характеристики, не принадлежащие говорящему: они изображают нарратив или мысли субъекта, реконструируемые говорящим. Ср. примеры из произведений Михаила Булгакова: *Говорю это я апостолу, а сам мигаю взводу — мол, баб-то турните временно, а там видно будет; ...появился полковник Малышев, посидел в кресле, но улыбался таким образом, что все, мол, хорошо и будет к лучшему; ...будут сидеть и растерянно улыбаться — значит, мол, мы не нужны уже; ...он за спиною профессора замигал Бездомному, — не противоречь, мол, ему; ...улыбаясь так, что ей, мол, решительно всё равно и в общем наплевать.*

Напротив того, в отношении частицы *якобы* чаще всего утверждается, что она специализируется именно на передаче речи, а возможность использовать ее при рассказе о невербальном поведении остается незамеченной. Между тем ее роль в этой функции почти противоположна функции частицы *мол*: она не указывает на подлинный смысл поведения, а характеризует его с внешней стороны, одновременно давая понять, что внешняя сторона обманчива, что субъект лишь ‘делает вид’, ‘притворяется’. Приведем примеры из произведений Михаила Булгакова: *...убогие выставляли язвы на посиневших голеньях, трясли головами, якобы в тике и параличе, закатывали белесые глаза, притворяясь слепыми* (нельзя было бы сказать: **Он тряс головой, мол, в тике*, поскольку *мол* с невербальным поведением требует внутренней речи субъекта, обращенной на какую-то присутствующую аудиторию; однако возможно *Он тряс головой: я, мол, в тике*); *Старушка пошла, подражая водопроводчику, в кухню, друг мой устремился за нею, я сделал одно ложное движение, якобы за ними, тотчас свернул в кабинет, положил браунинг не в левый, а в правый ящик стола и отправился в кухню* (*мол* не подставляется, поскольку нет аудитории: **Я сделал одно ложное движение, я, мол, за ними*; но возможно было бы: *Я, мол, за вами*, что подразумевало бы привлечение внимания)); *...не сводя глаз с*

администратора, как-то странно корчившегося в кресле, всё время стремящегося не выходить из-под голубой тени настольной лампы, как-то удивительно прикрывавшегося якобы от мешающего ему света лампочки газетой (в последнем примере сомнению подвергается мотивация, а не совершение действия).

Таким образом, различие частиц *мол* и *якобы* соответствует двум стратегиям рассказа о невербальном поведении: экспликации «подлинного» смысла поведения, реконструируемого как внутренний нарратив субъекта, и описания обманчивой видимости. Не случайно текст, вводимый посредством *мол*, часто с точки зрения формальных признаков строится почти как прямая речь и обладает соответствующими синтаксическими особенностями, в то время как *якобы* ведет себя как обычная частица в составе косвенной речи.

Russian *bylo* and its Slavic cognates as topic/focus markers

The Russian particle *bylo*, usually accompanying the Past form in *-l*, has been described as a “discontinued Past” marker (Plungian, Auwera 2006), marking cancelled result, avertive and/or disturbance of the normal flow of events (cf. also Kagan 2011, using the “possible words” framework, among many others). However it has drawn much less attention as a marker of topic vs. focus information structure, which seems to be one of the fundamental mechanisms behind its choice. This parameter seems also to undergo a diachronic change.

Russian *bylo* and its Slavic cognates (“supercompound Pasts”), notably Ukrainian and Polish were studied, both on corpora (that include also a diachronical dimension) and on questionnaires, with regard to their linear place in a phrase and presence/absence of focalization of the verb in their scope. These constructions have been already described as active competing with bare Pasts, with which they are quasi-synonymous in many contexts (in Russian the only famous example of semantic contrast is found in their combination with participles when they are the only means of signaling a cancelled result, whereas in most of the finite contexts they may be omitted).

The *bylo* particle is found to mark, in most cases, a contrastive focus (cf. Lambrecht 1994) that runs against the presuppositions of the speaker. The verb accompanied by *bylo* can be moved to the focus-proper initial position of the sentence.

As a comment/backgrounding information marker, in Modern Russian *bylo* is more common with *verba dicendi* that introduce direct speech, whereas in Early Modern texts (XVIII-XIX centuries) other contexts were also prolific (which is equally the case in modern Ukrainian or Polish), including contexts that are overall obsolete in Modern Russian with any type of information structure (for example, cancelled material result). The construction cannot be used with given information in questions (**Kto otkryval bylo okno?* ‘Who opened-BYLO the window?’)

Overall, the history of *bylo* and its cognates is marked by bleaching of comment/backgrounding contexts and rise of focal ones; as a material marker of focus, *bylo* can be compared to other markers of discontinued Past, for example, in Finno-Ugric and other language families.

References

- Kagan, O. The Actual World is Abnormal: On the Semantics of the Bylo Construction in Russian // *Linguistics and Philosophy*. 2011. Vol. 34. P. 57-84.
- Lambrecht, K. Information structure and sentence form. Topic, focus and the mental representations of discourse referents. Cambridge: CUP, 1994
- Plungian, V. A., van der Auwera J.. Towards a typology of discontinuous past marking. In.: *Sprachtypologie und Universalienforschung STUF* 59.4, 2006. 317–349.

Turning Molehills into Mountains Or The Polysemy of the Verbal Suffix *-nu-* in Non-standard Russian

Prefixes are the most common means of forming perfective verbs in Russian and yield different types of perfectives even when combined with the same verbal stems (cf. resultative and delimitative *po-* in *posčital vsech detej* vs. *nemnogo posčital pro sebja*). The semelfactive suffix *-nu-* is usually described as forming one type of perfectives (semelfactives like *čixnut'*, Švedova et al. 1980) and showing restrictions on semantic classes of verbs and verbal stems that it is compatible with (Dickey & Janda 2009). However, in non-standard Russian verbs bearing the semelfactive marker *-nu-* can perform various actional functions, ranging from semelfactives (*poka pervyj dosčitaet do 100 - vtoroj možet i razu ne sčit-nu-t'*) to Natural Perfectives (*ètix monetok po palcam sčit-nu-t' možno*) and even delimitatives (*ja let-nu-l 2 časa*). This allows for the use of non-durative verbs in contexts indicating duration, almost like turning molehills into mountains.

How far can the functions of *-nu-* be extended and can *-nu-* become a universal aspectual marker? I explore the interaction of such factors as the semantics of the actional morpheme, the semantics of the verbal stem, and constructions, and present a quantitative analysis of the new verbs with the suffix *-nu-* by taking a closer look at the three actional types mentioned above.

On the one hand, *-nu-*verbs lose their semelfactive semantics and appear as neutral perfective markers: 47 % of Natural Perfectives with the prefix *s-* show variation with *-nu-*verbs on the Internet. The number of verbal stems and semantic classes of verbs that are compatible with *-nu-* increases: cf. the use of *-nu-* with *-ova-*stems that generally repel *-nu-* (*gruppír-nu-t'* for *s-gruppírovat* 'group-PFV') and non-standard *-nu-*verbs with stems referring to 'mental sphere' (*planír-nu-t'* for *s-planírovat* 'plan-PFV'). On the other hand, the marker *-nu-* also replaces the marker *s-* in *s-*semelfactives, where 42 out of 105 *s-*semelfactives can be used with *-nu-* instead of *s-* (*dur-nu-t'* for *s-durit* 'act.silly.once-PFV'). This extension, however, often leads to constructional and semantic differences (*s-duri-l sgorjača, nagovori-l lišnego* vs. *Menja kupec ešče i dur-nu-l neslabo*).

Finally, the interplay of such factors as verbal stems and affixes with the syntactic construction can modify the actional type of the verb, which allows for a delimitative use of *-nu-*verbs. Thus, a construal operation can be applied on the same verb not only in languages like English (Croft 2012) but even in Russian, where some morphemes by default are assigned to only one actional class. It may appear that the suffix *-nu-* in non-standard Russian can function as a near-universal aspectual marker. Yet, this universal character of *-nu-* highly depends on the interaction of such factors as the semantics of the actional morpheme, the semantics of the verbal stem, and syntactic constructions.

A cognitively based typology of Russian impersonal constructions

The definition of impersonal constructions (traditionally referred to as *bezličnye predloženiya*) through the criterion of subjectlessness has a long tradition not only in Slavic linguistics. However, the identification of impersonality with subjectlessness has led to a sometimes unfortunate amalgamation of subject theories and impersonalization theories. As a result, many different and often contradictory definitions of impersonal constructions have been put forward that often come to contradictory evaluations even of identical constructions. Starting from Malchukov's and Ogawa's (2011) assumption that impersonality is a semantic notion indicating deviance from functional subject properties, I develop an integrative model of impersonality in Russian. From that perspective, impersonal constructions in Russian turn out to form an interactive network of constructions that are connected both formally and functionally, with subjectlessness being the most natural (prototypical), but not the only manifestation of impersonality in a language.

I will start out with an evaluation of previous definitions of impersonality in Russian, concentrating on subject-centered and agent-centered accounts of impersonality as distinguished by Siewierska (2008). Both accounts suffer from the flaw of ignoring one aspect of the linguistic sign, either meaning or form. By a careful investigation of the subject properties of different kinds of “privileged actants” (Guiraud-Weber 2001) or “subject-like obliques” (Seržant 2013), I show how functional subject properties (such as agentivity, topicality, individualization) are reflected in different behavioral properties of such actants (e.g., control into gerunds or binding of reflexives). My endeavor is to show how form and content interact in the formation of impersonal constructions as complex and meaningful linguistic signs, and that reconciliation of both aspects yields not only a more adequate description of data, but also a powerful explanation thereof.

References

- Guiraud-Weber, Marguérite (2002): Sub’ektnye čerty v russkom jazyke. *Revue des études slaves*, 74 (2-3), 279-289.
- Malchukov, Andrej/Ogawa (2011): A typology of impersonal constructions. A semantic map approach, in: Malchukov, Andrej/Siewierska, Anna, eds., *Impersonal constructions: a cross-linguistic perspective*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 19–56. [= *Studies in Language Companion Series 124*]
- Seržant, Ilja (2013): The diachronic typology of non-canonical subjects and subject-like obliques, in: Seržant, Ilja/ Kulikov, Leonid, eds. (2013): *The diachronic typology of non-canonical subjects*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 313–360. (= *Studies in Language Companion Series 140*)
- Siewierska, Anna (2008): Introduction: impersonalization from a subject-centered vs. agent-centered perspective. *Transactions of the Philological Society*, 106 (2), 115-137.

Aspectual choice for Russian verbs of ‘asking’ and ‘ordering’

It has been assumed that as for the verbs of speech or communication aspectual choice is less motivated (Forsyth 1970). Although there have been some notable studies on semantic and pragmatic conditions for aspectual choice for verbs of communication, only successful preconditions or effects in illocutionary and perlocutionary acts were taken into account (Fielder 1990, Israeli 2001). The study proposes subtle lexical-semantic differences entailing intersubjective cognitive coordination play a crucial role in aspectual choice for verbs of communication, specifically verbs of asking or ordering. Based on Russian National Corpus and Ljashevskaja & Sharov (2009)'s frequency dictionary, a dozen verbs of asking and ordering will be analyzed in terms of aspectual choice in extensive context and it is argued that rather than the outcomes of the given speech acts, the speaker's construal of the speech acts and the speaker-addressee negotiation potentials or cognitive dynamism are crucial factors for aspectual choice. Imperfective general-factual usage is more readily found with process-oriented, mutually negotiable verbal semantics, whereas perfective aspect with goal-oriented, unilateral verbal semantics.

References

- Ляшевская, О. Н. и С. А. Шаров. 2009. *Новый частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка)*. Москва: Азбуковник.
- Fielder, Grace E. 1990. Narrative Context and Russian Aspect. *Verbal Aspect in Discourse*. Edited by Nils B. Thelin. Amsterdam: John Benjamins. pp. 263-284.
- Forsyth, J. 1970. *A Grammar of Russian Aspect: Usage and Meaning in the Russian Verb*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Israeli, Alina. 2001. The Choice of Aspect in Russian Verbs of Communication: Pragmatic Contract. *Journal of Slavic Linguistics* 9(1), pp. 49-98.

Concreteness, subjective frequency and the thing/relation distinction in Croatian

There are concreteness/abstractness rating lists for a variety of languages (e.g. Brysbaert et al. 2014). Recently, concreteness has been linked with imageability, defined as the ease with which a word gives rise to a sensory mental image (Gvion et al. 2013). Although this is in line with the cognitive linguistic efforts to elucidate the cognitive reality of a variety of semantic categories (cf. Paivio's dual coding as the basis of metaphorical processing), such studies have rarely been connected to grammatical categories established in conceptual terms or conducted for Slavic languages. In this paper we report on the initial steps in an ongoing large-scale study which is an attempt to rectify this situation. Its aims are (1) to build a repository of Croatian lexemes rated for concreteness and imageability; (2) to explore whether differently rated lexemes are processed differently in grammatical constructions (e.g. coordination, ellipsis), as a way to identify the role of local and global grammatical and semantic factors in online processing.

The first step, reported on here, is to explore concreteness (Brysbaert et al. 2014) and subjective frequency (Balota et al. 2001) ratings of 3000 (30 sets of 100) adjectives, nouns and verbs, and relate them to their conceptual characteristics (things vs. relations) as defined in Langacker's cognitive grammar. The sets were obtained from the 1.4 billion hrWaC corpus of Croatian based on a frequency criterion (raw frequency greater than 3000), and rated by 900 native speakers of Croatian. We hypothesized that: (1) nouns, due to their thing-like nature, will have the highest concreteness ratings; (2) verbs will be rated as having the highest subjective frequency due to their schematicity (ability to combine with a number of different participants); (3) concreteness and subjective frequency ratings will correlate.

Our results show that although no significant differences were found between the corpus frequencies of nouns, verbs and adjectives, their concreteness and subjective frequency ratings were significantly different. As hypothesized, nouns were rated as most concrete (and adjectives as least concrete), and verbs as subjectively most frequent. This gives credibility to Langacker's conceptual distinction. Relative frequency ratings, however, do not correlate with subjective ratings overall, but there is a weak positive correlation for verbs. The cognitive and conceptual/grammatical factors that may lead to such results include frequency bands (the idea that there are frequency thresholds that group together), different combinatorial potential for different parts of speech, and the local ability to create different minimal contexts depending on the word's meaning.

References

- Balota, David A., Maura Pilotti and Micahel J. Cortese (2001). Subjective frequency estimates for 2,938 monosyllabic words. *Memory & Cognition* 29 (4): 639-647.
- Brysbaert Marc, Amy Beth Warriner & Victor Kuperman (2014). Concreteness ratings for 40 thousand generally known English word lemmas. *Behav Res.* 46:904–911. doi:10.3758/s13428-013-0403-5
- Gvion, Aviah and Naama Friedman (2013). "A selective deficit in imageable concepts: a window to the organization of the conceptual system." *Frontiers in Human Neuroscience*, Vol. 7. Article 226.
- Paivio, Allan (2010). "Dual coding theory and the mental lexicon." *The Mental Lexicon* 5(2): 205-230.

Coordination patterns in the contact influenced Far East Russian speech

The paper deals with the non-standard Russian speech of Nanai bilingual speakers. The use of the Nanai language (< Tungusic, Khabarovskij Kraj) is very restricted: all speakers are fluent in Russian and nowadays they use Russian in a greater extent than Nanai in their everyday life (some speakers use only Russian). However the Russian Speech of elderly speakers (called further «Nanai Russian») differs notably from Standard Russian and shows a range of features presumably of a contact nature. Such features in the domain of coordination will be observed in detail.

Coordination strategies of Slavic languages and those of Tungusic languages are totally different. Their interaction and accomodation in «Nanai Russian» will be discussed.

In Standard Russian a) the main conjunctive coordination strategy is one and the same both for DP conjunction and for sentential conjunction, b) the main pattern is «A co-B» in terms of Haspelmath 2007: *играют и поют, мальчики и девочки*.

In Nanai the strategy of DP coordination and that of sentential coordination are different. DP conjunctive coordinate structures are following: a) simple juxtaposition, b) a comitative construction with the instrumental case, c) a coordinate structure with the additive enclitic -da~dә on both conjuncts («A-co B-co») or on the second one («A B-co»).

This clitic was borrowed in the same function into Nanai Russian. Example (1) demonstrates its use on the first conjunct. This position is not typical for Nanai, however it is more similar to the position of the Russian coordinator (at least at surface level).

- (1) *Ходим, одежда нету: [кухайка-да, нанайской олочи]...*
'We go, we have no clothes: an anorak=DA and Nanai shoes'.

Example (2) illustrates the combination of the Russian *и* 'and' and the Nanai -da within one clause.

- (2) *А там оролона было [десять килограмм мука и десять килограмм крупа-да]...*
'And in the roll there was [10kg of flour AND 10kg of cereals=DA]'

One more intriguing fact is that this borrowed enclitic coincides (up to the prosody) with the Russian conjunction *да*.

The main sentential conjunction strategies in Nanai are a) juxtaposition for different subject clauses and b) converbial constructions of the «Altaic type» for same subject clauses. In Nanai Russian we find serial verb constructions such as in (3) for SS-clauses. In Standard Russian they are forbidden, in Nanai there is no serialization either.

- (3) *Разный трава варила положила.*
'She cooked and added different herbs'.

We suppose such constructions to be indirectly influenced by Nanai converbial ones, though they include not converbs (**варя/сварив положила*) but two equal finite forms (*варила положила*). Serialization is attested also for phasal verbs, which take the lexical verb in the same converbial form in Nanai:

- (4) *А потом я рыбачила начала...*
'And then I started fishing'.

The correspondence between Nanai converbs and Russian finite forms is interesting within the discussion of coordinate vs. subordinate nature of the «altaic» quasi-coordination.

The study is based on the field data of ca. 2 hours of transcribed oral texts in Nanai Russian recorded from bilingual Nanai speakers.

**Synthetic and analytic constructions in contemporary Polish:
variation, but is it free?**

As noted by Polish linguists, contemporary Polish is marked by a growing tendency to use analytic constructions (nouns, verbs or adjectives followed by prepositional phrases) along with their synthetic counterparts (nouns, verbs or adjectives followed by nouns marked for grammatical cases), which linguists consider as being primary diachronically. Analytic variants are generally classified as errors deviating for the norm, although today some of them are actually accepted by prescriptivists. Although semantic differences within the pairs are occasionally pointed out, in most cases the structures are considered as synonymous (free variants), and the emergence of analytic structures is explained either by general reference to shifts of individual elements between semantic fields or to the influence of other languages (calques). Analytic constructions are said to replace rather than co-occur with the synthetic ones.

In the presentation, I will substantiate the claim that analytic (prepositional) constructions differ from their synthetic counterparts both semantically and pragmatically, reflecting systematic differences in conceptualization. As illustration, I will use examples of both types of structure, taken from contemporary Polish expository and literary texts.

Selected bibliography

- Anusiewicz, Janusz. 1978. *Konstrukcje analityczne we współczesnym języku polskim*. Wrocław: Ossolineum.
- Buttler, Danuta. 1976. *Innowacje składniowe współczesnej polszczyzny*. Warszawa: PWN.
- Evans, Vyvyan and Melanie Green. 2006. *Cognitive Linguistics. An Introduction*. Edinburgh University Press.
- Givon, Talmy. 1979. *On understanding grammar*. Amsterdam: Elsevier
- Jabłońska, Monika. 2012. "Nowe przyimkowe konstrukcje analityczne w języku polskim." *IV Studenckie Forum Badań nad Językiem. Teksty Pokonferencyjne*. Warszawa: Wydawnictwa UW. 122-131
- 2014. „Analiza wariantów analitycznych polskich konstrukcji narzędnikowych pochodzących z narodowego Korpusu Języka Polskiego”.In: Kresa, Monika (red.) *Młodzi o języku*. Warszawa: UW. 89–100.
- 2016. „Konstrukcje przyimkowe jako jeden z przejawów analityzacji polszczyzny”. *Poradnik Językowy* 08-2016. 75–89.
- Langacker, Ronald W. 2008. *Cognitive Grammar. A Basic Introduction*. Oxford: OUP.
- Pisarkowa, Krystyna. 1984. *Historia składni języka polskiego*. Wrocław: Ossolineum.
- Przybylska, Renata. 2002. *Polisemia przyimków polskich w świetle semantyki kognitywnej*. Kraków: Universitas.
- Rudzka- Ostyn, Brygida. 2000. *Z rozważań nad kategorią przypadka*. (tłum. E. Tabakowska), Kraków: Universitas.
- Tabakowska, Elżbieta. 2002. "What can the Polish Instrumental be instrumental in?" B. Lewandowska-Tomaszczyk, K. Turewicz (red.), *Cognitive Linguistics Today*. Frankfurt: Peter Lang. 375-396.

A stereotype theory analysis of repetitions in Russian¹

It is acknowledged in the literature that patterns with repeated syntactic groups (i.e. tautologies, ‘constructions with identical word forms’ (Apresjan et al. 2010) and lexical cloning) evoke some kind of shared knowledge, cf. for references (Meibauer 2008; Huang 2015). However, most authors do not elaborate on the point, leaving aside the questions (a) whether such an evocation is obligatory for particular syntactic structures or appears only in certain contexts; (b) how “common” the knowledge should be (i.e. available to the whole linguistic community or to the interlocutors only); (c) which characteristics of the referent (i.e. evaluative, or descriptive, or both) are emphasized, etc.

This study addresses the above issues in Russian examining tautologies *X est’ X* and *X eto X*, ‘constructions with identical word forms’ *X kak X*, *X i X*, *X tak X* and lexical cloning (*takoj*) *X-X* and *X takoj X* (data obtained from the National Russian Corpus and Internet) in the context of the linguistic theory of stereotypes, cf. (Bartmiński 2009). Stereotype is defined as a shared representation of an object or an event that includes its descriptive (how *X* behaves and looks like) and evaluative (standard attitude towards *x*) features, and covers both typical and model exemplars (corresponding roughly to descriptive and prescriptive norm). The central idea of this approach, consistent with Neo-Gricean pragmatic theories, cf. (Levinson 2000), is that unmarked linguistic form conveys unmarked, stereotypical meaning, while marked form implicates its deviation from the stereotype.

Patterns with repeated syntactic groups are obviously marked linguistic structures, hence, at first sight, their stereotypical interpretation is not agreeable with the predictions of the stereotype theory. Moreover, some structures can both refer to stereotype or cancel stereotypical meaning in favor of another interpretation, cf. (Huang 2015) for lexical cloning and (Bulhof, Gimbel 2001) for tautologies. However, after an overview of possible strategies of interpretations of each of the listed Russian patterns with regard to questions (a)–(c), based on the actual data from National Russian Corpus and Internet, I argue that while unmarked expression *X* activates the whole range of characteristics correspondent to the stereotype, the repetitions profile just one particular feature relevant for the speaker, which is more often evaluative, cf. (Israeli 2014), than descriptive.

References

- Apresjan Ju.D., Boguslavskiy I.M., Iomdin L.L., Sannikov V.Z. Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa: vzaimodeystvie grammatiki i slovarya. Moscow, Jazyki slavyanskikh kul'tur, 2010.
- Bartmiński, J. Aspects of Cognitive Ethnolinguistics. Sheffield and Oakville, CT: Equinox, 2012.
- Bulhof J., Gimbel S. Deep tautologies. *Pragmatics and Cognition*. 2001. Vol. 9 (2). Pp. 279—291.
- Huang, Y. Lexical cloning in English: A neo-Gricean lexical pragmatic analysis. *Journal of Pragmatics*. 2015. Vol. 86. Pp. 80—85.
- Israeli, A. Repetition as a qualifying device in Russian. *SCLC: Book of Abstracts*. 2014. Pp. 27—28.
- Levinson S. C. *Presumptive meanings: The theory of generalized conversational implicature*. Cambridge: MIT press, 2000.
- Meibauer J. Tautology as presumptive meaning. *Pragmatics and Cognition*. 2008. Vol. 16. Pp. 439—470.

---

¹ The study was supported financially by grant of president of RF for young scientists MK-713.2017.6.

Forgetting the border: the semantic change of *do* ‘to, towards’ in West Slavic

In all Slavic languages that signal grammatical case, spatial prepositions typically take different cases, depending on whether or not they signal the endpoint of a movement (dynamic) or a position (static). With the Russian prepositions *v* ‘in’ and *na* ‘on’, for example, this is encoded in the contrast of accusative and prepositional as in *быть на столе* ‘be on the table’ vs. *положить на стол* ‘put on the table’; with *pod* ‘under’, *nad* ‘over’ and *za* ‘behind’ this contrast is encoded with accusative vs. instrumental case. This principle is also found in Common Slavic and in many other Indo-European languages of Europe.

In most of West Slavic, notably in Polish, Czech, Slovak and Sorbian, this symmetry has been mostly eradicated for the central and highly frequent preposition *v/w* ‘in’ since the common Slavic preposition *do* ‘up to’ has expanded, rendering *v/w* with accusative in spatial meaning obsolete (in Sorbian, Czech and Slovak) or almost obsolete (in Polish; Przybylska 2002:246–269).

This change is remarkable since it took place after the break-up of West Slavic: it is still ongoing in the earliest period of both Czech and Polish, as can be seen in the variation of *do* and *v/w* with *mesto/miasto* ‘town’ (only *do* is admissible in both languages today):

(1) *Kněz u měště bieše, Míšňany v město pustiti chtieše.* (CZ, Dalimil chronicle, early 14.)

(2) *Ale když města dojide, do města ho nepustichu.* (CZ, Dalimil chronicle, early 14.)

(3) *Kto mie przewiedzie w miasto grodzone?* (PL, Psalterz Puławski, late 15th)

(4) *A szostego miesiąca posłan jest anioł Gabryjel od Boga do miasta galilejskiego, [...]* (PL, Psalterz Puławski, late 15th)

Our corpus analysis shows that city and other place names are predominantly used with *do* from very early on. We argue that while movement can in such cases be conceptualized as movement into a container (‘into the city’, as in Russian ‘в город’), the traversal of space, rather than the crossing of the border, is usually the pragmatically salient message, so that movement to the border (as in ‘to the city’, Russian ‘до города’) can easily be used for the crossing of the border into the container, too. This kind of “defocussing” of the difference of inside and outside of certain types of landmarks is, we find, the first step of change. Other containers, such as houses (and especially prisons), where the difference between inside and outside can be argued to be more significant, resist this change much longer, as do cases with *v*-prefixed verbs such as in *w klasztor wstąpił* (PL, Kazania gnieźnieńskie, late 14. cent.).

Abstract nouns, metaphorizations as well as phraseologized syntagms seem to resist this change even longer and are the last to remain in Czech. Using extensive corpus evidence, we provide an analysis of both innovating factors and those that are resistant to change.

A question we would like to clarify is whether the lexicalization path proceeds the same way in both languages in similar ways, potentially revealing deeper cognitive patterns or subtle effects of the influence between the two language communities. Moreover, we discuss different motivations for this change, especially the possibility of contact with German.

References

Przybylska, R. (2002) Polisemia przyimków polskich w świetle semantyki kognitywnej. Universitas, Kraków.

What do speakers of Czech actually do by using the demonstrative *ten*?

In my paper I analyse factors which determine the speaker's choice of the demonstrative *ten* in spoken Czech. The grammatical status of this form has been widely discussed in the literature, particularly in terms of its functional affinity to a definite article [1,2]. However, none of the studies on this subject has come up with a systematic analysis of coherent discourse data.

Two explanatory approaches are of particular interest to me: (i) the use of the demonstrative is determined mainly by the speaker's assessment of the degree in which the referent is activated in the hearer's memory (the hearer-oriented view) [3,4], (ii) the distribution of the demonstrative is a reflexion of the speaker's active manipulation with the discourse perspective (the speaker-oriented view) [5,6]. The hearer-oriented view relies mainly on the information about the discourse history of the referent (activation), the speaker-oriented view stresses more heavily its discourse future (persistence).

The analysed data consist of 45 short narratives produced by 15 speakers of Czech (cca 1 hour of recording). All lexical NPs were annotated for a set of parameters reflecting the conceptual, grammatical and discourse characteristics of the forms and their referents together with the degree of their activation and persistence in the subsequent discourse [5]. Only anaphoric mentions were analysed, first mentions were excluded.

The results show that in anaphoric mentions, the *ten*-marked NPs were used more frequently than the unmarked NPs (= lexical NPs not containing the demonstrative form). However, further preferences have been identified in the use of the *ten*-marked NPs: they either refer (i) to a weakly activated, discourse-prominent entity, or (ii) to a strongly activated, non-prominent entity. In (i) they typically highlight the main characters of the story coming back to the scene after some time of absence, in (ii) they typically refer to an object involved in the current narration.

As to the competing ways of explanation, the activation of the referent does not allow for a consistent description of *ten*-marked NPs, as it varies according to other parameters. The persistence of the referent on the other hand is consistently higher with *ten*-marked NPs than the unmarked ones. This suggests that the speaker's choice of the demonstrative form is determined by his intention to communicate what he currently considers important in terms of the following narrative. This view supports the speaker-oriented model of explanation.

References

- [1] MATHESIUS, Vilém. 1926. Přívlastkové *ten, ta, to* v hovorové češtině. *Naše řeč* 10. 39–41.
- [2] HEINE, Bernd & KUTEVA, Tania. 2006. *The changing languages of Europe*. New York: Oxford University Press.
- [3] ARIEL, Mira. 1988. Referring and accessibility. *Journal of Linguistics* 24. 65–87.
- [4] GUNDEL, Jeanette K. & HEDBERG, Nancy & ZACHARSKI, Ron. 1993. Cognitive status and the form of referring expressions in discourse. *Language* 69. 274–307.
- [5] GIVÓN, Talmy (ed.). 1983. *Topic continuity in discourse: A quantitative cross-language study*. Amsterdam: John Benjamins.
- [6] EPSTEIN, Richard. 2002. The definite article, accessibility, and the construction of discourse referents. *Cognitive Linguistics* 12. 333–378.

Интерпретационный смысл «возможность» в семантике прилагательных (*возможный, вероятный, осуществимый* и под.)¹

В современной когнитивной лингвистике акцентируется мысль о том, что одной из важнейших функций языка является интерпретативная. Интерпретационные смыслы оказываются в фокусе внимания в семантических теориях — когда, например, в толкование значения включается модальная рамка. В грамматике широко исследуемой категорией является модальность, поскольку она «является одним из основных “эгоцентрических” механизмов естественных языков: модальные компоненты позволяют не просто описывать мир “как он есть”, но представлять “субъективный” образ мира — т. е. мир, пропущенный через призму сознания и восприятия говорящего [Плунгян 2011: 318]. Л. Г. Бабенко, рассматривая в идеографическом аспекте классы слов, отображающих универсальные смыслы и отношения, подчеркивает их семантическую и когнитивную специфику: «уникальность их семантики — предельная обобщенность, отвлеченность, а также когнитивная функция — осуществление модусной интерпретации и категоризации действительности» [Бабенко 2015: 684].

Один из таких универсальных смыслов — возможность; для нее выделяют частные значения: объективная (онтологическая), деонтическая и субъективная (эпистемическая) — см., например, [Падучева 2014: Электр. ресурс]. При этом материал исследования обычно составляют модальные глаголы и краткие прилагательные в качестве модальных связок, модальные слова. В данной работе самостоятельным объектом изучения являются прилагательные со значением возможности, рассматриваются особенности их семантики и употребления, выявляются синонимические отношения между ними.

Прилагательное *возможный* репрезентирует все четыре типа возможности:

(1) эпистемическую: *Лес по обеим сторонам дороги был редок и не мог скрыть возможную засаду* (М. Успенский) — ‘предполагается, что засада может быть, но точно это неизвестно’ [здесь и далее источник примеров — Национальный корпус русского языка: ruscorpora.ru];

(2) онтологическую внешнюю: *Возможная жизнь возникла перед нею так ярко, что она почти ощутила здоровую ломоту во всем теле от непривычной работы в поле...* (В. Кетлинская) — ‘есть условия, предпосылки в действительности, что такая жизнь может иметь место’;

(3) онтологическую внутреннюю: *Я обещал ему и я исполню обещанное как можно лучше. Я сделаю невозможное возможным* (Г. Владимов) — ‘сделаю нечто мысленно представляемое существующим в действительности, приложив усилия’;

(4) деонтическую: *...что-то в очередной раз изменилось в мире поездов, вагонов, проводников, степей, таможен и рельсов; то, что было возможным вчера, стало невозможным сегодня; никто не хотел брать мою коробку <...>. — Брат, возьми посылку! — Нельзя, братан...* (А. Волос) — ‘то, что разрешалось, теперь не разрешается’.

Соответственно выражаемым значениям группируются 4 синонимических ряда, причем прилагательное *возможный* является доминантой только в случае (2), а для остальных рядов семантическая идея с большей четкостью выражается другими лексемами:

(1) Предполагаемый, вероятный, возможный, гипотетический, допустимый, мыслимый, потенциальный, *книжн.* эвентуальный;

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02005).

(2) Возможный, вероятный, правдоподобный, *устар.* статочный;

(3) Осуществимый, возможный, выполнимый, достижимый, исполнимый, реальный, *устар.* сбыточный;

(4) Допустимый, возможный, позволительный, разрешенный, *книжн.* дозволенный, *книжн.* санкционированный.

Различие указанных способов интерпретации действительности в сознании говорящего дополнительно подчеркивается группировкой лексем, деривационно связанных с перечисленными синонимическими рядами, а также их антонимическими корреляциями, что также показывается в докладе.

Литература

Бабенко Л. Г. Когнитивные основания репрезентации универсальных смыслов и отношений в словарях-тезаурусах русского языка // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. XXII. С. 683–685.

Падучева Е. В. Модальность // Проект корпусного описания русской грамматики. URL: <http://rusgram.ru> (дата обращения: 10.04.2017)

Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. — М., 2011.

Когнитивные аспекты отношения переформулирования в свете теории прагма-синтаксиса

В лингвистической литературе целый ряд работ посвящен отношениям переформулирования. Среди этих работ можно выделить в частности те, что исследуют конверсационные функции (Schiffrin 1982) или дискурсивно-семантические механизмы переформулирования (Fuchs 1994, Rossari 1993, Vassiliadou 2004), синтаксические операции характеризующие эти отношения (Harris 1976), а также интерактивно-дидактические аспекты переформулирования (Jeanneret 1992, Garcia-Debanc 2006). Тем не менее, сложность изучения отношения переформулирования состоит в том, что в лингвистике нет общепринятого определения для данного типа отношения (Bhagat, Нову 2013). К тому же, некоторые лингвисты рассматривают переформулирование как сугубо лингвистическое явление (т.е. являющейся устойчивой частью языковой системы), тогда как для других, напротив, переформулирование представляет собой некое динамическое и дискурсивное явление (т.е. варьирующееся в зависимости от тех или иных параметров ситуации) (Fuchs 1982). Например, в своей работе Мельчук и Жолковский (1970) делят переформулирование (парафразу) на два вида: (1) лингвистическую, которая осуществляется исключительно за счет языковых средств (тип задействованных слов и конструкций в парафразе), и (2) экстра-лингвистическую, подразумевающую использование других средств (тип ситуации, познания о мире, и т.д.).

В данном исследовании мы хотим представить другой взгляд на проблему переформулирования, описав его некоторые прагма-синтаксические механизмы. В работе [Blanche-Benveniste 2003] описываются явления переформулирования во французском языке на уровне синтагмы. По мнению автора, переформулирование и аналогичные феномены могут иметь под собой когнитивные основания и в частности указывают на то, что при реализации речевой программы говорящим осуществляется сначала актуализация некой абстрактной синтаксической группы, и только затем происходит ее наполнение лексическим материалом. Тем самым в процессе речи говорящий имеет возможность вернуться к исходной синтаксической группе (1 а-в) с целью оптимизации его лексического состава:

- (1) вот-с, изволите видеть: *господин сочинитель, то бишь студент, бывший то есть,*
денег не платит, векселей надавал. (НБД)
(а) *господин сочинитель*
(б) *студент.....*
(в) *бывший* [студент]

В докладе мы разовьем эти наблюдения и опишем когнитивные аспекты отношения переформулирования на межфразовом уровне в свете теории *прагма-синтаксиса*, разработанной лингвистами Фрибургской группы из Швейцарии (Groupe de Fribourg 2012). Прагма-синтаксис рассматривает предложение как *действие* (фр. *action*) или операцию, которая в процессе дискурсивного взаимодействия между говорящим и слушающим постоянно обновляет предыдущее состояние их *дискурсивной памяти* (M) (фр. *mémoire discursive*):

- (2) $M^i, M^{i+1} \dots M^{i+n}$

В свою очередь, подобно грамматическим отношениям между членами предложения, два соседних предложения связаны между собой прагматическими отношениями и

комбинируются в *макро-синтаксические рутинны* (фр. *routines macro-syntaxiques*) (Groupe de Fribourg 2012). Так, в случае переформулирования мы имеем дело с рутинной *Действие + Переформулирование* (фр. *Action + Réfection*). В данном исследовании мы анализируем прагма-синтаксические операции которые сопутствуют этой рутине на примере основных показателей отношения переформулирования в русском языке (*то есть, иными словами, или лучше сказать*, и т.п.). Для этого будет использована надкорпусная русско-французская база данных коннекторов общим объемом 3,5 млн словоупотреблений, в которой на данный момент аннотировано около 400 контекстов с показателями отношения переформулирования или близких к нему отношений в русском языке.

Библиография (выборочно)

- Bhagat R., Hovy E. (2013). What is a paraphrase?, *Computational Linguistics* 39(3), 463-472.
- Blanche-Benveniste, C. (2003). La naissance des syntagmes dans les hésitations et répétitions du parler. *Le sens et la mesure. De la pragmatique à la métrique, Hommages à Benoît de Cornulier*, 153-169.
- Fuchs, C. (1982). La paraphrase entre la langue et le discours. *Langue française* 53, 1982, 22-33.
- Fuchs, C. (1994). *Paraphrase et énonciation*. Editions Ophrys.
- Groupe de Fribourg (2012). *Grammaire de la période*. Peter Lang.
- Harris, Z.S. (1976). *Notes du cours de syntaxe*. Paris : Le Seuil.
- Jeanneret, T. (1992). Pourquoi reformuler et comment le faire?. *Tranel* 18, 67-81.
- Mel'čuk, I. A., & Žolkovskij, A. K. (1970). Towards a functioning 'Meaning-Text' model of language. *Linguistics* 8(57), 10-47.
- Schiffrin, D. (1982). Cohesion in Everyday Discourse: The Role of Paraphrase. *Sociolinguistic Working Paper* 97, 3-17.

Риторический вопрос и его родственники

Обычно риторический вопрос строится на базе частновопросительного предложения. Грубо говоря, риторический вопрос равнозначен утверждению того предложения, которое получится, если вопросительное местоимение заменить на соответствующее отрицательное (и, разумеется, добавить обязательное в русском языке отрицание не к сказуемому, т.е. произвести отрицательное согласование), см. о риторическом вопросе Падучева 1996: 307ff; Шатуновский 2016: 211-246. Иными словами, смысл риторического вопроса – это отрицательный ответ на вопрос. Например:

Кто может объять необъятное? (Козьма Прутков) – Никто не может объять необъятное;
Сколько же можно еще терпеть несправедливость? – Нисколько нельзя больше терпеть несправедливость.

— *У меня купальника нет. — Кто же ночью в купальнике купается?* [А.Варламов.]

Возможен риторический вопрос на базе общевопросительного предложения:

(У) *Разве можно так над людьми издеваться?* [А.Волос. Недвижимость (2000)]

(Х) *Ну отдам я вам, такому, мою Дуню? Подите, оставьте нас совсем!* [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)]

Риторический вопрос на базе отрицательного предложения:

И какой же русский не любит быстрой езды? – Всякий русский любит быструю езду.

Многие фразеологизмы являются отголосками риторического вопроса.

— *А с чего вы взяли, что тетя Наташа вас любит?* [Маша Трауб. Ласточ...ка (2012)] – фразеологизованное выражение отрицания: ‘взяли ни с чего’.

— *Эту церковь снесут, Антон, — твердила Агния своё. — Откуда ты знаешь? — рассердился Антон. — Это художественный памятник, его оставят.* [А.Солженицын] – фразеологизованное выражение несогласия: ‘ты не знаешь’.

Конструкция «отчего же не плюс инфинитив или предикативная форма» в контексте просьбы означает согласие ее выполнить:

— *И вы продадите? — Отчего же не продать? Продам.* [Анатолий Ким. Белка (1984)]

— *Разрешите позвонить? — Отчего же не позвонить? Звоните, коли надо.* [В.Пронин]

В контексте вопроса или предложения эта конструкция означает положительный ответ:

— *Свободин — он же писатель, тоже, наверно, с нами пойдет? — Да, отчего же не пойти, — неуверенно ответил Свободин.* [Михаил Козаков. Актерская книга (1978-1995)]

Хотя надо ли тебе об этом знать... — Отчего же не надо? — поежился Глеб. [Дарья Симонова. Сорванная слива (2002)]

Но та же конструкция может выражать и возражение:

О нем или о Гоги Чеботадзе вы так не заботитесь. — Отчего же не заботимся. Очень даже заботимся. [Елизавета Козырева. Дамская охота (2001)]

Вне контекста диалога отчего же не выражает модальность долженствования или возможности:

Впрочем, если тайна прячется под слоем песка, отчего же не выяснить толщину песчаного слоя? [С. М. Голицын. Тайна старого Радуля (1972)] = ‘надо выяснить’

Народ спас самого себя, отчего же не уважать ему себя за это? [Б. Б. Вахтин. Одна абсолютно счастливая деревня (1965)] = ‘следует уважать’

И я действительно думаю, что из таких бесед может выйти большое дело. — При известных условиях, да. Во всяком случае, отчего же не попробовать? [М. А. Алданов. Истоки. Части 9-17 (1942-1946)] = ‘можно попробовать’

Литература

Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки рус. культуры, 1996.

Шатуновский И.Б. Речевые действия и действия мысли в русском языке. М.: Издательский дом ЯСК, 2016.

**Аспектуальная система в русском языке:
семантический вклад приставок и суффиксов**

Многие проблемы описания аспектуальной системы русского языка далеки от общепринятого решения, по ним ведутся жаркие споры. Одной из таких проблем является определение статуса вторичной имперфективизации – является ли она словоизменительным или словообразовательным средством. В большинстве работ имперфективизирующие суффиксы *-а/-я-*, *-ва-* и *-ыва-/-ива-* трактуются как чисто видовые, т.е. как словоизменительное грамматическое средство. В таком случае глаголы с этими суффиксами должны подчиняться принципу композициональности. Это, однако, не всегда верно. Часто суффиксы вторичного имперфектива приносят дополнительное значение многократности действия (*пить – выпить – выпивать*). Далее, существуют примеры расхождения семантики: *накоплять–накапливать*, когда первый глагол употребляется преимущественно в отношении материальных ценностей, а второй – нематериальных, показывающие, что конструкции с суффиксами *-а/-я-*, *-ва-*, *-ыва-/-ива-* не всегда строго композициональны.

В данной работе рассматривается вопрос: в какой мере присоединение приставок и суффиксов для образования перфективов и вторичных имперфективов, соответственно, влияет на семантику глагола.

Для анализа мы отобрали 22 общеупотребительных глагола (*делать, работать, казаться, играть, просить, верить, ставить, звать, звонить, хранить, рисовать, прятать, влечь, плевать, жечь, расти, мерзнуть, жрать, копать, нюхать, красть, щупать*), не являющихся явно многозначными. Для них образованы естественные и специализированные перфективы, а для последних и вторичные имперфективы. Для количественной оценки степени близости семантики слов предложен следующий метод. Используя корпус Google Books Ngram (<https://books.google.com/ngrams/>), строим графики частот употребления слов за период с 1950 г. по 2005 г. Далее для графиков сравниваемых слов, как временных рядов, подсчитывается коэффициент корреляции Пирсона. Чем выше коэффициент корреляции, тем семантика ближе. Среднее значение корреляции между графиками базовых имперфективов и соответствующих им естественных перфективов оказалось равно 0,758. А корреляция между графиками специализированных перфективов и соответствующих вторичных имперфективов равна 0,633. Для сравнения, средний коэффициент корреляции между графиками словоизменительных форм выбранных 22 слов равен 0,568.

Этот результат указывает на то, что префиксальный способ образования естественного перфектива сохраняет лексическое значение исходного глагола даже в большей степени, чем суффиксальное образование вторичных имперфективов.

Таким образом, наши данные являются аргументом в пользу словообразовательного характера суффиксов *-а/-я-*, *-ва-*, *-ыва-/-ива-*, их меньшей композициональности по сравнению с приставками естественных перфективов.

Обратим внимание на некоторые наблюдения [1, 2], косвенно поддерживающие этот вывод.

1) Приставки исторически возникли из предлогов в результате аналитических процессов в языке. Это обуславливает их относительную самостоятельность, вплоть до функционирования в качестве отдельного слова. Вполне возможно: «*-Ты не переспал? - Скорее недо-, чем пере-*».

2) Суффиксы нередко вызывают изменения в строении конца основы (чередование фонем). Приставки реже влияют на строение начала основы.

3) Приставки, в целом, более продуктивны, чем суффиксы.

4) Суффиксы, обычно, радикально меняют семантику слова (*лес* – природный объект, *лес-ник* – человек), а приставки же, скорее, модифицируют ее (*бежать–вбежать–выбежать*: меняется лишь направление движения, но не само действие).

“Все указанные различия между приставками и суффиксами свидетельствуют ... о большей лексичности приставок, т.е. об их близости к самостоятельным словам” [2].

Итак, в целом, приставки в русском языке, как кажется, на шкале композициональность-некомпозициональность ближе к композициональности, а суффиксы – к некомпозициональности, что отражается и на префиксальном и суффиксальном образовании перфективов и имперфективов.

Литература

1. Николаев Г.А. Лекции по русскому словообразованию. Казань: КГУ, 2009.
2. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. Москва: Наука, 2011.

Когнитивные механизмы конкуренции вариативных форм: суффиксы *-а/-я-* и *-ыва/-ива-* во вторичных имперфективах в русском языке

Некоторые глагольные парадигмы в русском языке допускают возможность конкуренции суффиксов *-а/-я-* и *-ыва/-ива-*. Например, в книжных текстах второй половины XX в. вторичный имперфектив *накапливать* по частотности превзошёл преобладавший до этого глагол *накоплять*. Целью исследования является установление закономерностей выбора одного из суффиксов.

Ранее при исследовании процесса унификации неправильных глаголов в английском языке [1, 2] показано, что чем более частотен неправильный глагол, тем больше времени требуется для его изменения и перехода в разряд правильных. Высказана следующая гипотеза: частое использование слова усиливает его репрезентацию в памяти, что делает его более устойчивым к изменениям.

Однако эта зависимость не выявлена при частотном анализе словоупотребления форм 89 вторичных имперфективов. Группа глаголов была сформирована путём дополнения сборника Л.К. Граудиной [3]. Анализ проводился при помощи корпуса Google Books Ngram. В изучаемом случае имеет место, скорее, обратная зависимость – более частотные глаголы быстрее меняют форму.

Для объяснения этого эффекта и изучения механизмов конкуренции предложена новая методика в духе *usage-based* подхода – квантитативный анализ динамики сочетаемости. Сочетаемость (вместе с частотами словосочетаний) извлекается из Google Books Ngram и трактуется нами как некая квантитативная репрезентация семантики (согласно дистрибутивной гипотезе).

Предлагается следующее объяснение различия между механизмами конкуренции аффиксов вторичных имперфективов и окончаний прошедшего времени неправильных глаголов в английском языке. Формы на *-ed/-t* являются композиционными (в смысле принципа Фреге), и, следовательно, строго синонимичными, что подтверждается их сочетаемостью (*burn+ed = burn+t*).

Суффиксальные конструкции в русском, вообще говоря, некомпозициональны. Хотя в словарях формы типа *накоплять* – *накапливать* трактуются как семантически тождественные, анализ их сочетаемости показывает, что различия все же имеются. В XX в. глагол *накоплять* стал использоваться для обозначения процесса приумножения материальных ценностей, а *накапливать* – сбора нематериальных ценностей: знаний, опыта и т.д. Эти значения, очевидно, не выводятся из морфем. Таким образом, данные конструкции характеризуются некомпозициональностью.

Возможность иметь различную семантику ведет к расхождению двух форм глагола (принцип избыточности строгих синонимов) и их самостоятельному функционированию. У форм с разной семантикой под влиянием экстралингвистических факторов частота может меняться по-разному. При этом более частотные слова обычно имеют более широкие значения, что обеспечивает возможность дальнейшего «дробления» их семантики.

Наша общая гипотеза следующая: если вариативность наблюдается в композиционной конструкции, то главный когнитивный механизм эволюции – регуляризация vs устойчивость; если же конструкция некомпозициональна, то к нему добавляется механизм размежевания семантического значения слова, сопровождающийся изменением частот

конкурирующих форм по отдельности под влиянием востребованности того или иного значения в обществе.

Нами также анализируется возможность классификации множества вторичных имперфективов с вариативностью аффиксов в зависимости от характера смены аффиксов и влияющих на это факторов. Пример продуктивного шаблона: глаголы с вставной (перед суффиксом) буквой *л* и чередованием в корне *о/а* имеют тенденцию к смене *-а/-я-* на *-ыва/-ива-*. Глаголы без вставной *л* имеют обратную тенденцию (*ускорять* в тысячу раз частотнее, чем *ускоривать*). Глаголы с вставной *л*, но без чередования *о/а* занимают промежуточное положение (*отравлять* и *натравливать*).

Литература

1. J.Bybee. From usage to grammar: the mind's response to repetition. *Language*. v.82, p.711-733. 2006.
2. E.Lieberman et al. Quantifying the evolutionary dynamics of language. *Nature*, v.449, p.713-716. 2007.
3. Л.К.Граудина и др. Грамматическая правильность русской речи. М.: Наука. 1976.

**Семантические переходы в зоне глаголов речи в русском языке:
некоторые семантические и грамматические ограничения на метафоризацию**

Данное исследование посвящено изучению семантических и грамматических ограничений в конструкциях с глаголами речи в русском языке. В первую очередь, речь идет о конструкциях, требующих заполнения валентности темы/содержания. Особенно ярко такие ограничения проявляются при осуществлении семантических переходов. В нашей работе рассматриваются два типа таких переходов, в основе которых лежат различные семантические процессы: метафора, метонимия, ребрендинг. Первый тип сводится к переходу предикатов и различных донорских областей, в частности, каузации перемещения, деформации и звука в семантическую зону глаголов речи. Второй тип представляет собой семантический переход 'говорить' - 'указывать', который связан с появлением при глаголе речи неагентивного субъекта, заполняющего валентность стимула.

Относительно семантического перехода первого типа можно сказать, что глаголы совершенного вида, обозначающие события, в целом лучше встраиваются в характерные для глаголов речи конструкции с прямой речью и придаточным изъяснительным. Конструкция с прямым объектом оказывается наиболее нейтральной в аспектуальном отношении, в то время как предложные конструкции с *о/про* допускают преимущественно глаголы несовершенного вида.

В целом, предикаты из различных донорских зон легче всего проникают в конструкцию с прямой речью, поскольку она наиболее нейтральна по отношению к содержанию речевого акта: валентность темы передается здесь несколько опосредованно – с помощью дополнительного предложения. Глаголы из донорских зон передают в данной конструкции специфический характер действия: резкость, быстроту и т. д.. В то же время конструкция с придаточным изъяснительным имеет более тесную связь с содержанием речевого акта, и это делает употребление в ней новых глаголов более ограниченным по сравнению с предыдущей конструкцией.

В предложную конструкцию с *о/про* неспособно встраиваться абсолютное большинство предикатов из донорских зон. Исключение составляют несколько глаголов, обозначающих звуки животных, а в реципиентной зоне передающих особенный характер речи: это такие глаголы, как *щебетать*, *ворковать*, *мурлыкать*, *каркать* и т. д.. Определенное предпочтение при этом отдается конструкции с предлогом *о*, поскольку именно она оказывается дефолтной при заполнении валентности темы в семантической зоне глаголов речи, а отчасти и за ее пределами.

Что касается семантических ограничений, нужно отметить, что в целом в характерные для глаголов речи конструкции плохо встраиваются такие заимствованные из различных донорских зон предикаты, которые содержат представление о ненужности объекта или прекращении его функционирования. Тем не менее семантические ограничения оказываются не очень жесткими, благодаря чему новые предикаты привносят в зону глаголов речи разнообразные оттенки смысла, связанные, в первую очередь, с манерой речи.

Относительно семантического перехода 'говорить' - 'указывать' нужно отметить, что способность к нему развивается у предикатов несовершенного вида, причем в данную конструкцию может встраиваться только предложная группа *о+Предл.* Дело в том, что семантика предложной конструкции *про+Вин.*, допускающей введение дополнительной информации, непосредственно не связанной с темой сообщения, но ассоциирующейся у говорящего и

адресата с упоминаемым объектом, плохо согласуется с представлением о неагентивном субъекте.

И если семантические ограничения зачастую оказываются не очень строгими, то в отношении грамматических ограничений, как правило, действует противоположная тенденция. Так, аспектуальные ограничения становятся значительно более заметными в условиях семантического перехода, поэтому исследование метафорических употреблений может способствовать выявлению таких семантических различий, которые оказываются неочевидными при изучении противопоставлений непосредственно в пределах одной семантической зоны.